

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Случай из адвокатской практики
Екатерина Кариди

Екатерина Руслановна Кариди
Любить королеву. Случай
из адвокатской практики
Серия «Королева», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67688532

SelfPub; 2022

Аннотация

Темный переулок, фонарь, одинокая девушка. Темная фигура в плаще нагоняет ее, и... Что будет, похищение, убийство? Нет, будут судебные слушания. А на кону История одной несчастной любви. Здесь судят мужчину, и адвокату Марише предстоит защищать его. Это ее первое дело, проиграть нельзя – подзащитный умрет. Значит, адвокату придется найти выход.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	71
Глава 8	83
Глава 9	96
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Екатерина Кариди

Любить королеву. Случай из адвокатской практики

Пролог

– Я могу отказаться?

– Нет, – выдохнул мужчина, заталкивая глубоко внутрь дикое удовлетворение.

Ему хотелось добавить:

"Ну же, девочка, перестань изображать трагедию. Кого ты хочешь убедить? Тебе нравится все, что я хочу с тобой сделать. Я знаю это, ты знаешь это".

Но тут она очень проницательно на него взглянула, так, будто видела все тайные движения его души. Мережков даже смутился на мгновение. А потом серьезно и как-то устало проговорила:

– Вы обещали. Я надеюсь, вы не забудете об этом, потому что мне не на что положиться, кроме как на вашу честь.

Ей опять удалось это – удивить его. Она не сказала честность. Она сказала честь. Это сразу изменило тональность. Потому что даже у лжеца может быть честь.

Да, он лгал ей. Лгал, глядя в глаза. Потому что только о том и думал, как уложит ее в постель. Шельмовал, манипулировал. В конце концов, стоит ли какая-то официантка таких усилий? Спрашивал у себя, пока текли секунды, а взгляд скользил по ее лицу, то останавливаясь на губах, то возвращаясь к глазам.

Стоит! Отвечало подрагивающее нетерпением нечто, скрытое глубоко внутри, чему он не знал названия. Это глубинное Эго готово было пойти и на большие жертвы, лишь бы получить вожаемое. Но что? Что же на самом деле ему от нее нужно? Тут шторка внутрь себя закрывалась, потому что он сам не готов был ответить на свой вопрос.

Честь. А ведь метко попала.

Мережков кивнул, опуская подбородок на скрещенные руки. И, взглянув на нее из-под бровей, произнес:

– Конечно.

И все же, видя, что она после его слов немного расслабилась, не смог удержаться. Добавить остроты, качнуть чашу весов:

– Если только сама не захочешь.

По беспокойству, взметнувшемуся в ее глазах, понял, немного перегнул. Она тут же забила в раковину. На секунду повисло тяжелое молчание. А потом вдруг пришла досада. Он ведь тоже чувствовал эмоциональное утомление, не только ей тяжело дался этот бой.

Пора тут заканчивать. Засиделся. Глянул на часы, на жен-

щину, отвернулся.

– Давай, Лена, заканчивай, нам пора, – и забарабанил пальцами по столу.

Она вскинула него взгляд, он чувствовал его кожей, но не повернул головы.

– Спасибо, я наелась, – проговорила, складывая приборы.

– Тогда иди переодевайся, – снова взглянул на часы. – Я жду.

Обернулся.

Женщина нахмурилась, губы поджались какой-то болезненной складочкой. Она задержалась буквально на доли секунды, а потом ушла. Странно, у него было такое чувство, как будто часть его души потянулась за ней.

Это оттого что за ней нужен глаз да глаз, чтобы не сбежала, сказал он себе.

И все же мужчина был уверен, что она не сбежит, потому что дала слово. Усмехнулся про себя, теперь и ему, что ли, придется держать слово? А ведь придется. Честь... Хммм.

Это было ново, забавно, волнующе.

Мужчина за столиком еще не знал, но это означало для него поворот судьбы. Возможно, даже новую жизнь.

Глава 1

Долгий осенний вечер перетек в ночь. Толпа прохожих у выхода из метро уже значительно поредела, девушка в темном плаще вынырнула из дверей и остановилась, оглядываясь по сторонам. Постояла она недолго, взглянула сквозь черные очки на табло – 23.30. Зябко поежилась, подняла воротник и смешалась с толпой в людском потоке.

Городской шум. Фонари. Ярко-желтый свет. Неоновые витрины, последние троллейбусы, ряды машин на светофоре, остановка такси. Люди спешили домой, и девушке тоже надо было спешить. Но вот чего-чего, а спешить она не любила. От этого нервозность потихоньку разрасталась, и чувствовала она себя не в своей тарелке.

Половина двенадцатого. Времени в обрез.

К 24.00 нужно уже быть на месте, а место, указанное в уведомлении еще предстояло найти. Тихонько ворча про себя на тех, кто выдумывает такие диковинные адреса и назначает встречи по темноте, как будто нельзя сделать это в светлое время суток, девушка двинулась к подземному переходу.

Дохлая лампа горела через раз, плитка на полу вся выщерблена, пока доковыляла в лодочках на шпильках, несколько раз оступилась и сто раз помянула проклятый дресс-код, предписывающий дамам эту пыточную обувь. На

выходе с другой стороны наткнулась на толпу подростков. Пацаны курили и что-то негромко обсуждали, смеясь и смачно сплевывая. Она невозмутимо прошествовала мимо. Парнишки только скользнули взглядами, однако ее не заметили.

Отойдя метров сто, девушка остановилась на перекрестке и вытащила из кармана сложенную в несколько раз бумажную карту и навигатор. Хотелось облегчить себе задачу? О, да. Навигатор показывал, что дома, отмеченного на карте кружком, не существует.

С досадой спрятала гаджет в карман своего элегантного плащика, подняла глаза, уставившись на звезды, и тихо выдохнула им свое озлобление. А потом пошла, высматривая ориентиры, указанные на полях карандашом мелким убористым почерком. По старинке.

И кто только придумал эти темные миры? Кому нужны эти запутанные темные переходы ночью, если потом все в итоге сходится в одной точке? Наконец, после нескольких поворотов на перекрестках, все дальше уводивших от оживленной улицы вглубь, в квартал старой двух-трехэтажной застройки, она заметила главный ориентир. Одинокий фонарь, скупое освещавший кусочек пустынного переулка.

Карта отправилась в карман. Дальше уже ничего сложного? Ведь так? Но именно сейчас волнение достигло предела. Девушка мазнула повлажневшими ладонями, отряхивая полы плаща, поправила косынку и очки. А потом выпрямилась и пошла по темному переулку прямо на свет фонаря.

Странные призрачные тени, пляшущие в темноте, все зыбко и ирреально.

Как будто в другом мире.

Здесь было тихо, сюда не долетал вечный шум города. Цокот каблучков по асфальту звонко отдавался в тишине, эхом отражаясь от стен домов, и, казалось, становился все громче. Вдруг по переулку пролетел порыв ветра, прогнал неизвестно откуда принесенные сухие листья, ведь деревья в этих каменно-асфальтовых джунглях не росли. И снова все затихло, оставив легкий шелест, как воспоминание о том, чего не было.

Спиной ощутила чужое присутствие.

Мужчина.

Она не стала оборачиваться, наоборот, ускорила шаг и почти поравнялась с фонарем. Успеть раньше! Уже почти...

Но в этот момент взметнулись призрачные крылья, ее подхватило вихрем, и...

Мгновенный переход. Вихрь тут же стих, и крылья убралась. Теперь они стояли в просторном холле здания суда, где неизменно проводились заседания коллегии по все спорным делам. Мужчина, что помог девушке пройти через портал (на самом деле просто возмутительным образом вторгся в

ее личное пространство), был молодой, подающий надежды прокурор. И ее оппонент на сегодняшних слушаниях.

– Климова! Мариша, опаздываешь, как всегда? – весело подмигнул прокурор.

Марина Климова, самый юный член коллегии адвокатов, а также единственная женщина в этой самой коллегии, изобразила светскую улыбку. Отчего бы сейчас не побыть благодушными, рвать друг друга в клочья они начнут позже, когда начнется процесс.

– А, Джейми, привет! Безумно рада тебя видеть. И можешь уже выпустить меня, мы на месте, и я не потеряюсь по дороге.

Почему-то каждый считал своим долгом помочь ей добраться и старался сделать это поэффектнее. И каждый непременно должен был подчеркнуть, что она опаздывает, хотя приходили они одновременно с ней. Впрочем, к этому девушка привыкла, и выказывать недовольство бессмысленно.

– Уммм? – мурлыкнул Джейми, смерив ее взглядом и особенно оценив черные очки и косынку в горошек. – Если ты потеряешься, Мариша, с меня голову снимут. Потом воскресят и снова снимут. И так пять раз подряд.

А потом изогнул левую бровь и разжал наконец руки. Девушка выскользнула из его объятий и тихонько фыркнула, закатывая глаза. Ее оберегали, с ней носились как с писаной торбой и не воспринимали всерьез.

– Совершенно верно молодой человек, – раздалось сбоку.

Оба немедленно повернулись. К ним подошел куратор Мариши, адвокат Гершин Игорь Наумович, один из двенадцати заседателей президиума коллегии. Джейми подобрался, сделавшись серьезным и официальным. Мужчины церемонно раскланялись и пожали друг другу руки.

– Господин Гершин.

– Господин Аоринделл.

Мариша отвернулась, губы чуть дернулись в улыбке, ее драгоценный шеф мог, когда хотел выглядеть неприступным айсбергом, но она-то знала, что Игорь Наумович добрейшей души человек.

Проводив взглядом молодого прокурора, Гершин вопросительно посмотрел на нее.

– Мариша, – тепло и легкая тревога в голосе. – Ну?

– Все хорошо, Игорь Наумович, я в порядке, – потупилась, судорожно сглотнула и провела ладонями по полам плаща.

Джейми ненадолго ее отвлек, но теперь волнение вернулось снова. И не удивительно. Сегодня начинаются слушания по делу Мережкова. Ее первому самостоятельному делу. Конечно, куратор будет постоянно контролировать ситуацию, поможет советом и все такое. Но. Если она провалится сегодня, ей уже никогда не заработать у этих старых монстров авторитет, значит, другого дела ей попросту не дадут. И поэтому – нет. Провала не будет.

– Иди переодевайся, – Гершин взглянул на часы. – У тебя

ровно десять минут.

Она кивнула, внутренне подобралась и пошла готовиться.

Стоило ей отойти, как к старому адвокату приблизился мужчина. Весьма представительный и интересный мужчина. Волосы с проседью, цепкий и властный орлиный взгляд, подтянутое тело, улыбка победителя. Дмитрий Дмитриевич Сабчаковский, один из двенадцати заседателей коллегии прокуроров.

Заклятый друг и оппонент. Знали они друг друга смолоду, нередко сталкивались в зале суда. Счет с небольшим преимуществом был в пользу Гершина.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Какая встреча, – приветствовал Сабчаковский, бросив косой взгляд в сторону удалявшейся девушки. – Все пестуешь своего ангелочка?

Адвокат изобразил кривоватую усмешку и предпочел не заметить скрытый в каламбуре сарказм. Ибо они, адвокаты, (защитники, хранители, те самые люди, которых природа наделила сверхспособностями и белыми крыльями), в просторечьи так иногда и назывались – ангелы-хранители. А у прокуроров, сиречь обвинителей, крылья были огненные, да и задача несколько иная. Они карающие. Но дело-то общее –

решать судьбы человеческие.

– Рад видеть тебя, коллега.

До начала слушаний оставалось девять с половиной минут, Гершин сделал движение, желая направиться в зал суда. Однако коллеге явно хотелось выговориться:

– Думаю, наш парень сделает твою подопечную.

– Хммм?

– И это будет правильно. Посуди сам, Игорек, разве это женское дело? Всю жизнь мотаться по темным мирам, копать в чем-то грязном белье, писать бесконечные отчеты, выискивать улики, прецеденты? Оно ей надо? Вот ей бы замуж, народить детишек. У девочки наконец появится смысл жизни. А что? Было бы в самый раз. Ах, молодость, молодость... – притворно вздохнул Сабчаковски и покачал головой, мечтательно поднимая глаза к потолку.

Левая бровь адвоката изогнулась, а губы начали складываться в трубочку. А прокурор, не обращая внимания на мимику оппонента, продолжал философствовать:

– Вот скажи, разве женщина с ее тонкой и нежной нервной натурой может добиться чего-то в нашем деле?

Вообще-то, в словах прокурора был определенный резон, потому что до этого женщины в этом здании могли работать только техническим персоналом. Но у Гершина было неопровержимое доказательство.

– А как же ее белые крылья? Это ни о чем не говорит?

– Станный каприз природы, ничего более, – безапелля-

ционно заявил прокурор, на лице которого возникло жесткое выражение.

Гершин смерил его нечитаемым взглядом и прищурился. Эге, подумалось ему, так вот кто приложил руку, чтобы провалить Маришкин дебют. Впрочем, он нечто подобное подзревал. Если раньше и были сомнения, теперь они благополучно рассеялись.

Зато возникло непреодолимое желание щелкнуть заклятого друга по носу. Адвокат мельком глянул на огромные механические на часы в глубине холла, провел ладонью по лицу, скрывая улыбку, и проговорил:

– Не знаю, Дима, как там что сложится, – он сделал паузу, дождавшись, пока Сабчаковский на него взглянет, и только после этого продолжил. – Неисповедимы пути Господни. А насчет сегодняшних слушаний... Хочу предложить тебе пари.

– Это ты о чем?

Часы в холле показывали без семи минут двенадцать. Надо закругляться.

– А вот о чем. Значит так, если моя подопечная, ангелочек, как ты говоришь, добьется оправдательного приговора...

Прокурор не дал договорить. Разведя ладони перед лицом адвоката, мягко, но четко и раздельно произнес:

– Нет, нет и нет. Этого не будет.

– Ну почему же, – миролюбиво протянул Гершин. – Слу-

шания еще не начинались. Кто знает, как оно пойдет? Так вот, если приговор будет оправдательный, тыставляешь мне ящик белого цолерианского*. Того самого. Урожай 1812 года, южный склон.

На сей раз Сабчаковский согласился без возражений, даже радостно хохотнул в предвкушении:

– Готовь цолерианское, Игорек. Вместе разопьем.

А потом, засунув руки в карманы, прошествовал в зал.

Гершин остался один. Беглый взгляд на часы – до начала еще пять минут, по идее Мариша уже должна успеть переодеться к заседанию. Старый адвокат потер руки и быстрым шагом направился в сторону служебных помещений.

Он не ошибся, Мариша, наряженная в традиционные белые адвокатские одежды, как раз выходила из комнаты. Вид у нее был взъерошенный, взгляд нервный, даже призрачные белые крылья топорщились, как у воробья. Гершин вздохнул. Бойтса.

Поманил пальцем, чтобы подошла поближе. Подольше сохрани интригу.

– Игорь Наумович, вы почему не в зале? Что-то случилось? – она затравленно оглянулась. – Только быстренько. Не хочу опоздать.

Игорь Наумович сделал озабоченное лицо и зашептал, оглядываясь по сторонам:

– Мариша, я хочу тебе сказать...

– Что?! – тут она забеспокоилась всерьез.

– Ой, Маришенька... Я... – все бормотал старый артист, а потом словно в прорубь бросился. – Короче, я на тебя поспорил.

Рот у Мариши глупейшим образом открылся.

– Что?!

– Ну... Я поспорил на тебя с Сабчаковским. На кону ящик белого цолерианского. Урожай 1812 года, южный склон. Ты же понимаешь...

– Шеф! Вы...! Ящик цолерианского?! Да вы же мне обещали!

– Маришенька, короче, бес... э... Сабчаковский попутал. Но теперь, если ты не выгрызешь оправдательный приговор, придется...

Дальше он мог бы и не продолжать. Глаза девушки зажглись воинственным огнем, а крылья расправились и даже как-то засветились.

– Спокойно, шеф, – проговорила она, пряча глаза под черными очками. – Но о вашей страсти заключать пари мы еще переговорим.

Тряхнула головой и пошла вперед, только каблучки по мраморному полу зацокали. Адвокат смотрел вслед своей подопечной, и улыбался доброй улыбкой старого аллигатора. Отличная мотивация, прием сработал на все сто.

Две с половиной минуты оставалось до начала слушаний. У самого перехода в зал суда Мариша опять столкнулась

с Джейми. Точнее, это он опять чуть на нее не налетел. Еле успела переместиться в сторону. Молодой прокурор осмотрел ее пристрастным мужским взглядом, судя по выражению лица, увиденным остался доволен.

– Шикарно выглядишь, Мариша, мои комплименты.

Адвокат Климова слегка покраснела и царственно кивнула в ответ.

Надо сказать, он и сам в блестящих стальных латах обвинителя смотрелся просто потрясающе. А его огненные крылья переливались, будто их трепал ветер. Сразу видно, прокурор рвался в бой. Но перед этим просто не мог отказать себе в удовольствии позубоскалить, потому что там, за дверями зала суда шуток уже не будет. И только открыл рот, сказать Марише, что она опаздывает, как та его опередила:

– Джейми, хочешь пари?

– Пари?

– Да. Если приговор будет оправдательный, сразу после слушаний ты идешь со мной в бар.

У него даже глаза округлились от изумления.

– А если нет?

– Тогда я иду с тобой в бар, – улыбнулась Мариша.

– Э... Кхम्म... А разница в чем? По-моему, я в выигрыше в обоих случаях?

– Нет. Если выиграю я, – она ткнула в него пальцем. – Я за тебя плачу.

Джейми понял, что девушка имела в виду, однако сдавать-

ся не собирался. Протянул ей руку в латной перчатке и произнес, чуть склонив голову набок:

– Идет. Я в любом случае собирался пригласить тебя на свидание, так что...

Ей ужасно хотелось закатить глаза и фыркнуть на коллегу, но тут прозвенел третий звонок. Слушания начались, и они все-таки опоздали.

Примечание:

– Цолерианское белое* – очень редкое иномирное игристое вино, весьма ценимое судейскими, производится только в Аламоре.

Глава 2

– Климова! Вечно ты опаздываешь! – шепотом рыкнул Джейми и потащил Марину за собой в пространство.

Ей хотелось выкрикнуть, что когда-нибудь пристукнет самоуверенного гада, однако они уже очутились в центре освещенного круга, на обозрении у всего зала суда. И адвокат Климова, сделав каменное лицо, отодвинулась от прокурора в сторону.

Собственно, залом это можно было бы назвать только условно. Некое пространство, существующее параллельно множеству миров, нейтральное место, не подверженное изменениям. Ничейная земля.

Здесь не было ни потолков, стен, а присутствующие обязаны были явить истинную суть. Иначе сюда попасть просто невозможно. Это снаружи консервативная коллегия поддерживала привычную видимость здания, как две капли воды похожего на те, в которых они работали в своей человеческой жизни.

Секретарь суда укоризненно поднял бровь, взглянув на двух молодых опоздавших, выразительно вздохнул и объявил слушания открытыми.

На повестке дня дело Василия Павловича Мережкова.

Секретарь монотонно зачитывал сухие факты из биогра-

фии, дабы ввести присутствующих в курс дела, а Мариша тем временем незаметно оглядывалась вокруг. Ей приходилось бывать тут и раньше с Игорем Наумовичем, когда она была стажером, но в качестве зрителя. Отсюда, из круга истины все выглядело иначе. Отсюда ей было видно, что места судей пусты. Но это не значило, что их нет. Просто они очень далеко отсюда.

Случайно встретила глазами со своим старым куратором, Игорь Наумович хмурился. Тут же поняла, что надо наконец собраться и вслушаться, что говорит секретарь. Историю своего подзащитного она знала наизусть, но все же, не самый подходящий момент отвлекаться по пустякам.

Вслушалась.

Честное слово, лучше б она этого не делала.

Подсудимый Мережков Василий Павлович, если просто перечислить, чего он наворотил в жизни, заслуживал расстрел на месте. И как же теперь его защищать? Получалось, вроде никак, но у Мариши бы план. Целая стратегия.

Украдкой взглянув направо, заметила снисходительно кривившего губы Сабчаковского. Его глаза говорили: девочка, у тебя нет шансов. Захотелось сказать уважаемому коллеге:

«Свалите в туман, сударь».

Собственно, она даже и сказала. Мысленно. И чуть не разинула рот от удивления – Сабчаковского, недоуменно заерзавшего на месте, заволочло серой дымкой. Мариша тут же

установилась в другую сторону, и сделала вид, что ни при чем. Ситуация привлекла внимание секретаря, в итоге раздосадованный Сабчаковский за нарушение порядка получил гневный взгляд и покашливание.

По счастью, никто не подумал обвинить в этом юную адвоката Климову, поскольку ранее в судебной практике такого замечено не было. Но ранее и адвокатов женщин тут не было. Однако инцидент сам собой исчерпался.

А дело есть дело.

Из сухо изложенных фактов вырисовывалась малоприятная картина.

Богатый уб... (условно олигарх), один из тех, кому все позволено. Родителей потерял в раннем возрасте, воспитывался бабушкой. Начинал с продажи компьютеров, вырос на мутной пене перестройки. Сила. Жестокость. Ум. Жажда власти. Поднимался быстро, партнеров подмял под себя, несогласных устранил. Так или иначе. Одним словом, хищник с большой буквы. Огромные деньги, множественные преступления, административные и уголовные. Путь наверх не усыпан розами.

Однако не за эти преступления его предстояло судить. Обычными правонарушениями должно заниматься обычное людское правосудие. Тут судили за другое, за то, что людскому правосудию неподвластно. На кону душа. И приговор ей будет короткий – можно или нельзя оправдать, простить, дать второй шанс.

Когда секретарь закончил зачитывать материалы дела и оглядел зал, первое слово было предоставлено обвинению. Облаченный в сияющие доспехи правосудия Джейми, колыхнул огненными крыльями, заполняя зал ощущением жаркого пустынного ветра, и бросил в сторону Мариши пронзительный взгляд.

Больше никакого дружелюбия. Она знала, бой пойдет не на жизнь, а на смерть. Причем, буквально – смерть ее подзащитного. Во всех смыслах.

Прокурор заявил:

– Виновен. По совокупности преступлений требую высшей меры наказания.

Молчаливое одобрение зала. С ним были согласны практически все присутствовавшие. Она и не ожидала ничего иного. Марина видела, как напрягся и шевельнулся на своем месте Гершин. Мелькнула его хищная улыбка. Понятно, старого аллигатора захватил азарт.

Собралась, белые крылья чуть заметно качнулись, повеяло прохладой, надо же остудить обстановку после прокурорской демонстрации. Когда ей предоставили слово, проговорила, спокойно глядя перед собой:

– Настаиваю на детальной реконструкции событий.

Ропот пронесся по рядам обеих коллегий. Реконструкция – стандартная процедура, и в спорных случаях иногда применялась в судопроизводстве. Но детальная...

Это означало полностью перерывать все воспоминания под-

судимого, свидетелей, потерпевших. Всех.

Секретарь скривился, но объявил:

– Принимается.

Как только отзвучали эти слова, всё в этом зале сделалось невидимым, а вместо освещенного круга возникла реанимационная палата частной кардиологической клиники.

На койке лежал мужчина лет сорока пяти. Бледный, почти восковой, короткие темные волосы слиплись от пота, синеватые губы чуть перекошены гримасой боли. Рядом попискивали приборы, фиксируя тяжелое состояние, вычерчивали на мониторах мерцающие дорожки.

Обширный инфаркт на почве пережитого стресса.

Больной не реагировал на внешние раздражители. Но это не означало, что он был без сознания. Если бы мозг милосердно отключился, дав ему просто умереть и уйти в небытие! Если бы...

Один из нюансов детальной реконструкции состоял в том, что все, на чьих глазах разворачивались воспоминания подсудимого, переживал их буквально на своей шкуре. Таков эффект воздействия места, именовавшегося залом суда.

Почувствовать все изнутри и только после это вынести вердикт.

Наверное, потому детальную реконструкцию так редко и применяли.

Однако тому умирающему на больничной койке мужчине ничего не было известно ни о суде, ни тем более, о детальной реконструкции. Он просто мучился болью и горечью воспоминаний, раз за разом возвращаясь к моменту, с которого все началось.

Когда он впервые встретил ее.

Когда началась его настоящая жизнь, а часы судьбы начали отсчет, с каждой минутой приближая его сюда, к состоянию, которое хуже смерти.

Глава 3

В памяти все немного иначе, чем видно наблюдателю со стороны. И не совсем так воспринимается, как оно было в момент непосредственного участия.

Потому что в памяти через призму души.

Воспоминаний за жизнь сорокапятилетнего мужчины набирается много, они разные по ценности и силе воздействия. Иные проскальзывают замыленным пятном, а иные имеют такую власть, что их ничто не сотрет с годами. Власть погрузить душу в ту же радость или отчаяние, что ощущалась когда-то.

Но даже сейчас, когда душа была один сплошной комок боли, этот день своей жизни восемь лет назад он вспоминал как...

Жаркий, августовский.

Сначала с утра дела, потом самолет. Аэропорт. Кондиционированный воздух. Стоило на минуту выйти наружу – пока дошел до машины, словно в кастрюлю с кипящей водой

окунулся, тут же вымок. Раздражение.

Алишер Шарафов, партнер по бизнесу, пригласил, Ме-режков выкроил три дня. У Шарафеича было 150 гектаров леса в районе Фишта*. Охота, рыбалка, прочие мужские радости.

Вообще-то, Василий Павлович к охоте на зверушек был равнодушен, считал пустой тратой времени. Он и из машины-то не любил вылезать, когда оказывался где-нибудь на природе. Все его загородные дома были напичканы техникой и электроникой, как космические корабли. Сначала комплекс нищегорода заставлял выгрызать от жизни все самое лучшее и дорогое, а потом он просто понял, что урбанист до мозга костей, и вот это вот «на природе» ему нафиг не надо.

Но Шарафеич пригласил, хотел сделать ему приятное. Надо.

Дорога в горы начиналась из города, вызывала уныние и уже казалась бесконечной. От асфальта жаркое марево, воздух дрожал, поднимаясь от дороги жидкими струйками. Хаотичная застройка, разноперые домики. Не на что смотреть.

Опять был кондиционированный воздух, звонки, много звонков, переговоры. Дела, дела, дела. Успеть закончить, чтобы на три дня отключить телефон. Посреди переговоров несколько раз врывалась Кристина со своим идиотским «пук-пук, я соскучилась», боль зубная. В последний раз Василий просто скривился и рыкнул в трубку:

– Я занят. Не звони больше, – и отключился.

Надоела. По приезде надо будет спровадить любовницу, довольно она из него бабок выкачала.

За постоянными звонками и переговорами не заметил, как пейзаж за окном сменился, превратившись в почти сплошной лес по обе стороны дороги. Это получилось как-то вдруг и потому удивило. С делами он к этому времени закончил, так, добивал по инерции. Отключил телефон и устоялся в окно. Неожиданно понял – красиво, зелень. Там жара и зелень. В салоне прохладный кондиционированный воздух, а из окна видно зелень. Красиво.

А вскоре дороги практически не стало. Джип, переваливаясь по ухабам и здоровенным булыжникам, все дальше вползал в лес и забирался выше, выше, выше. Странное ощущение, вроде совсем недавно цивилизация, люди, мусор, и вдруг эта непроходимая дичь. Как будто в другой мир попал.

Наконец приехали.

Совсем уж приятным сюрпризом оказалось, что, выйдя из машины, он тут же не взмок. Здесь было намного прохладнее и суше. А вид на горы, а воздух? Цветы. Не на клумбах, высаженные флористом. А просто так, от Бога.

Будто на другой планете.

Очень неплохо. Даже перестало казаться бесцельной тратой времени.

Хозяин встречал радушно. Остальные гости к тому времени уже прибыли, ждали только его. Собственно, оказалось, что до места назначения они еще не доехали. Потому что ту-

да, где у Шарафеича был охотничий домик, предстояло добираться на лошадях. Немного раздражающий момент, но на фоне всей этой красоты, цветов, прохладного сладкого, словно хрустального воздуха, не хотелось раздражаться и портить себе настроение.

Видимо, поняв по выражению лица его душевное состояние, Алишер спросил:

– Ну что, хорошо, брат?

– Хорошо, – ответил Василий Павлович и не покривил душой.

Алишер неувовимо улыбнулся. Все-таки восток дело тонкое, чемпионы по части разных удовольствий. Не все, конечно, Василию нравилось, но там действительно было хорошо.

И это ощущение, что ступил на порог другой жизни. Непривычно, хаотично, слишком вольно и непредсказуемо. Немного тревожно, не знаешь, чего ждать, но хочется сделать шаг. Успокаивало, что это понарошку, через три дня все закончится, и он снова окажется в своем родном мире, где упорядочено и подчиняется его воле.

Охотничий домик Алишера только назывался домиком, на самом деле целый городок в лесу. Домики – теремки, навесы, беседки. Особенно хороша была большая беседка с террасой, с нее открывался вид вниз на заводь, окруженную огромными валунами. В этой беседке и был накрыт для гостей стол. Гости собирались начинать убивать зверушек завтра с утречка, точнее, еще с ночи, а сегодня просто хороший

дружеский стол.

Василий не слишком вникал в подробности охотничьих рассказов, его мало интересовало, какая у кого печень, или внутренний жир. Его больше привлекал вид дикой природы вокруг, грубоватый, но по-своему красивый интерьер. Все это было как научно-популярный фильм, который он смотрел когда-то в детстве.

Но также и нечто, державшее как якорь. Привычное ему чувство дома. Алишер специально для него, зная его вкусы, заказал в элитном Московском ресторане выездное обслуживание. Никакой экзотики в виде местных теток в халатах, только вышколенный по европейским меркам персонал. Еда, посуда, сервировка.

Угодил Шарафеич. Может, кому-то из гостей предпочтительнее было бы другое, а Василий чувствовал себя комфортно.

Он сидел за столом, участвовал в общем разговоре, заставляя себя отвлечься от дел, оставленных дома, а взгляд раз разом цеплялся за одно и то же лицо. Появлявшуюся время от времени в беседке обер-кельнершу. Сначала неосознанный мужской интерес. Потом отметил про себя, что женщина удивительно хорошо вписывается и в технократический мир, привнесенный выездным обслуживанием, и в дикую красоту вокруг, но при этом не смешивается со средой. Так, словно она сама по себе самодостаточна и самоценна. И это было нечто новое. Он привык к несколько иным жен-

щинам.

Их вокруг него было много. На него работали женщины – отличные профессионалы, идеальные во взаимодействии, он привык полагаться на их деловые качества. Но те женщины были другими. Винтики в хорошо отлаженном механизме, и смотрел он на них иными глазами. И они смотрели иначе.

Любовницы. Отдельная категория. Беспольные создания для временного украшения жизни, удовлетворения мужского тщеславия и сиюминутных потребностей. Эти смотрели на него с преувеличенно страстной любовью. В основном на его кошелек, конечно, Василий это прекрасно осознавал. Надоедали быстро. Наверное, женой по этой причине так и не обзавелся. И слава Богу.

Эта почему-то ни в одну категорию не вписывалась и казалась другой. Может быть, окружающая двойственность была тому виной? Или его непонятное состояние? Или то, что обер-кельнерша вообще не смотрела на него? Вернее, она смотрела с профессиональной улыбкой, и как будто не видела его. Не видела в нем мужчину.

В какой-то момент Василий с удивлением осознал, что это его, как бы сказать, слегка задевает. А когда понял, что именно его задевает, почувствовал странное желание поставить ее на место. Это вдруг стало казаться игрой.

Вмешался прокурор:

– Протестую. С этого момента прошу пересматривать воспоминания подсудимого и пострадавшей параллельно.

– Протест принят, – ответил секретарь.

Джейми удовлетворенно взглянул на Маришу. У той не дрогнул на лице ни один мускул. Не рассказывать же, что это и входило изначально в ее стратегию.

Когда женщина с бейджиком «Елена, обер-кельнер» в очередной раз оказалась поблизости, Мережков специально поставил на видное место стакан и, продолжая участвовать в общем разговоре, негромко произнес:

– Холодной воды.

Отреагировала сразу. Бесшумно подошла, незаметным выверенным жестом забрала пустой стакан и унесла в ту сторону, где у них было выделено помещение для подготовки и оформления блюд. За это время он успел ближе рассмотреть ее.

Не девочка. Лет двадцати пяти – двадцати семи. Не хо-

ленная, как его капризная и ленивая подружка Кристина, но достаточно ухоженная. Стройная, спортивная фигура, длинные ноги. Небольшая грудь, аккуратная попка.

Особенно запомнились руки. Узкие кисти. Изящные, тонкие и длинные пальцы, крепкие и гибкие одновременно. Красивые. Коротко стриженные розовые ногти, естественные, без лака.

Густые светло-русые волосы, собранные в аккуратный узел, чистые, без лака. Розовые губы, плотные, приятной пухлости, верхняя губка чуть полнее нижней. Помады не наблюдалось, только легкий блеск. Аккуратный носик. Гладкая бархатная кожа, вблизи он заметил бледные веснушки.

Брови тонкие, красиво изогнутые, длинные. Наверное, она их выщипывает, мелькнула мысль. Широко расставленные серые глаза, ресницы чуть тронуты тушью. Пожалуй, самым заметным в ее лице были именно брови и глаза. Выражение глаз. Какой-то внутренний свет.

В сочетании с гордой посадкой головы это выглядело уверенностью умного человека, знающего себе цену и спокойно идущего к своей цели. И в целом она вся казалась свежей и естественной.

Не красивой, но в комплексе... Черт. В комплексе – да.

Мережков отдавал себе отчет в том, что он так детально ее рассматривал, чтобы найти изъян. Фальшь, скрытое уродство тела или души. Чтобы найти и успокоиться. Утратить интерес.

И не нашел. Пока не нашел.

Она вернулась, неся ему кристально чистый стакан холодной воды. И профессионально улыбалась, глядя на него и опять не видя. Что-то заскрежетало в душе Василия на эту дежурную улыбку. Когда она принесла и поставила стакан с водой перед ним, он откинулся на спинку стула и, специально глядя ей в глаза, высказал отдельно и четко:

– Я просил холодной родниковой воды.

Она тут же забрала стакан и негромко проговорила:

– Простите, я не поняла вас сразу, сейчас принесу.

– Будьте любезны, – бросил Василий отворачиваясь.

Вернулась действительно через минуту, держа в руке запотевший стакан с ледяной водой. Поставила перед ним. Опять та же профессиональная улыбка и полное отсутствие женского интереса. Василий искал в ее лице признаки. Не нашел и почувствовал досаду.

Не так должна была реагировать на него какая-то официантка. Мережков привык к тому, что его, очень богатого тридцатисемилетнего холостяка женщины находят более чем привлекательным. Сами делают шаги навстречу. А этой выпал такой шанс привлечь его внимание, и ноль эмоций.

Смерил ее пренебрежительным взглядом и сухо кивнул. Что-то неуловимое промелькнуло в глазах женщины, она выдала профессиональную улыбку и вышла. И больше, сколько он не высматривал, в беседке не появлялась.

Он безошибочно счел это демонстрацией и решил нака-

зять.

Ужин закончился довольно рано, охотникам предстояло встать в половине пятого утра, потому они разошлись спать вскорости после того как стемнело. Мережков подрываться завтра среди ночи, чтобы кого-то там пристрелить. не соби-
рался. Ему и так тут было нормально. Пусть кто хочет, зани-
мается охотой, ему дичь куда больше нравилась в виде жа-
реного мяса, и совсем необязательно видеть, как оно бегало
при жизни или издыхало.

На эти три дня он уже наметил себе и добычу, и другие интересные занятия. Потому и не ушел спать вместе со все-
ми, а остался на террасе.

Перед тем как удалиться, Алишер подошел к нему спро-
сить, всем ли дорогой гость доволен. Василий заверил, раз-
ведя руками:

– Вполне.

– Я так понимаю, ты завтра не собираешься вставать со
всеми? – хитро вскинув бровь, спросил Шарафеич.

Василий усмехнулся:

– Прости, друг, эти забавы не для меня.

– Но я надеюсь, смогу найти для тебя достойное развле-
чение? – спросил тот.

Судя по искоркам, затлевающим в глубине глаз Мережкова, Шарафеич понял, что дорогой гость уже приглядел себе тут забаву. И его странное общение за столом с одной из официанток тоже не укрылось от пристального внимания прозрачных серо-зеленых глаз хозяина. Но и хорошо, чем бы партнер ни тешился, лишь бы остался доволен.

А женщину он и сам заметил, она показалась ему достойной внимания. Такая может увлечь мужчину надолго, подарить ему радость обладания. Уж в чем Алишер Шарафов разбирался прекрасно, так это в женщинах, достаточно было одного взгляда, он мог бы назвать цену любой из них.

– Что ж, я отправляюсь спать. Извинишь, что не составляю тебе компанию?

На что Василий хмыкнул:

– Ради бога, иди. Иначе проспишь все на свете. Кто тогда обеспечит нас мясом на завтра? Помрем тут с голоду, чего доброго.

– Э, э, э! Зачем так скажешь! – Шарафеич изобразил испуг, а потом лукаво рассмеялся и погрозил ему пальцем.

Он иногда любил коверкать русские слова, получалось смешно. Потом похлопал друга по плечу и велел вынести для него пледы. На всякий случай, ночью тут свежо. Чтобы драгоценный партнер по бизнесу не дай бог, не простыл на террасе.

И ушел спать, понимая, что тот не просто так остался там сидеть в одиночестве. Уж не на звезды любоваться точно.

Потому велел прислуге внимательно следить за пожеланиями дорогого гостя и все выполнять незамедлительно.

Оставшись один, Мережков некоторое время действительно смотрел на звезды и любовался призрачным ночным пейзажем. На террасе было несколько удобных диванов, столик. Он сидел там с бутылкой скотча и...

Выжидал.

Знал, что выездная обслуга размещается в отдельно стоящем домике. И ждал, пока там все разойдутся по своим койкам. Смешно сказать, но чувствовал он себя как на настоящей охоте.

Когда наконец настала тишина, подозвал к одного из людей Алишера, специально приставленных хозяином, и изъяснил желание, чтобы ему накрыли стол тут на террасе.

Те уже кинулись было исполнить, но Василий отрицательно качнул головой:

– Не вы, пусть этим займется эта... – он пощелкал пальцами, делая вид, что вспоминает. – Обер-кельнер Елена.

Примечание.

Фишт* – гора, высота 2853,9 над уровнем моря. Местоположение в Кавказском биосферном заповеднике.

Глава 4

Комнат в домике было четыре, Лене досталась самая маленькая, зато отдельная, с одной кроватью и крохотным санузлом. Она уже собралась спать, а тут стук в дверь. Открыла. Один из охранников Шарафова, она не помнила его имени. С поручением.

Обслужить гостя, пожелавшего поздний ужин?

Лена некоторое время не могла сообразить, о чем вообще речь. День был не из легких, все время на нервах. Не говоря уже о том, что устала адски. Еще и чувствовала себя, как пришибленная, после той демонстрации высокомерного презрения, которым ее облил один из гостей.

А теперь ей говорят, этот тип желает, чтобы она...?

– Почему я? – Глупый вопрос, непрофессиональный, но защитная реакция сработала раньше.

Глупо и непрофессионально.

Посланный за ней парень только пожал плечами и продолжил смотреть сквозь нее пустыми глазами. Кивнула отворачиваясь:

– Подождите за дверью, через пять минут я буду готова.

Забыв про усталость, быстро и сердито натянула на себя колготки и форменную одежду, сунула ноги в лодочки шпильках, закрепила бейджик. Униформа придает уверен-

ности, прямо как латы перед боем. Наскоро накрасилась и причесалась.

И все это время ела себя поедом. Дура. Дура. Дура.

Она ведь с самого начала, как только этого Мережкова увидела, не могла глаз от него отвести. Из гостей Шарафова он самый заметный. На фоне невзрачных, увлеченных охотничьими рассказами мужчин, в лицах которых моментами сквозила животная жестокость, именно он настоящий хищник. Видно, что его добыча куда крупнее всяких медведей и лис, и тут ему нет равных.

Холеный, самоуверенный, жесткий. Жестокий. Из-за легкого налета цивилизованности цинизм замечен еще сильнее. И еще этот тяжелый взгляд, подавляющий волю. Падайте перед ним ниц и размазывайтесь по полу.

Но при всем при этом мужчина был привлекателен. Даже внешне. Она еще подумала, что женщины наверняка этому типу гроздьями на шею вешаются. А он вытирает об них ноги.

Упаси Боже, с таким в жизни столкнуться. Упаси Боже, привлечь его внимание.

Видимо, привлекла. И что же, теперь... Почему-то стало страшно, сердце сдавило нехорошим предчувствием. Глупость какая, это же просто работа. Просто сервировать стол, дожидаться, пока он поест, а потом убрать. Посмотрела на себя в зеркало. Сказала отражению:

«Успокойся. На черта ты ему сдалась. Просто мужик чу-

дит, ну не спится ему, есть охота. Накорми его, и дело с концом».

Но интуиция подсказывала другое. Приходилось ей не раз сталкиваться с такими субъектами, они, как напьются, из них потом какая-то черная злоба наружу прет, им почему-то надо отрываться на окружающих. И окружающей тут, за неимением других, будет она.

Пришла ассоциация с тигром в зоопарке, за которым хорошо наблюдать из-за решетки. Но вот беда, тигр-то был на свободе.

Закрыла глаза на секунду. А когда снова открыла, уставилась невидящим взглядом куда-то в угол, чувствуя холодок в груди. Выдохнула. В конце концов, довольно трястись, не сожрет же он ее.

Те несколько минут, что она отвела себе на подготовку, прошли, Лена вышла из комнаты. Парень, ждавший ее снаружи, скользнул равнодушным взглядом, повернулся текущим движением и двинулся вперед.

Странное дело. С того момента, что он отправил человека за женщиной, прошло всего-то не больше десяти – пятнадцати минут, а у Мережкова от напряженного ожидания аж уши раскалились. И вообще, состояние для него было слиш-

ком необычным, чтобы не осознавать это.

«Что с тобой творится?» – спрашивал мужчина себя, а из темной глубины, откуда-то, где в каждом из людей прячется зверь, в ответ слышалось только глухое рычание.

Ему не нравилось то, что с ним происходит, но отказаться от этого состояния? Ни за что. Давно он не был на таком взводе, все чувства обострены, предельно собран, прямо как в старые времена, когда на стрелу ехал. Адреналин, мать его. И все это из-за какой-то бабы? Официантки?

Тихонько рыкнул.

И в этот миг услышал легкий перестук каблучков. Сердце подскочило к горлу, молотком застучала в ушах кровь. Адреналин, мать его. Выдохнул, провел ладонями по бедрам.

Хорошо.

Плохо, что его неконтролируемо трясет. Взглянул на свою руку, сжал пальцы в кулак. Из кухни слышался негромкий звон столовых приборов и стук посуды. Ничего, пока она будет возиться, у него есть время устранить эту дурацкую дрожь.

Руки механически делали свою работу, а в голове пустота. И страшно. Страшно выйти, страшно взглянуть на него. Постаралась спрятаться от страха в холод, как делала всегда.

Еще со школы. Холод помогал, защищал от всего.
Так... Все, поднос готов, нечего тянуть время.
Вышла на террасу.

Он сидел спиной. И спиной почувствовал ее появление. Ощущение, будто на загровке шерсть дыбом. Сердце снова забухало где-то в висках, а в груди липкая дрожь. Да его попросту корежит, мать его!..

– Добрый вечер, – услышал как сквозь вату.

Молча кивнул, глядя на нее.

Женщина споро накрывала на стол, уверенно и легко двигались изящные «умные» руки. А ему почему-то нужно было, чтобы она взглянула на него. Но женщина так и не сделала эту простую вещь, то, чего он сейчас хотел. И тогда весь его запал, весь адреналин перешел в злость.

Вот тут он чувствовал себя в своей тарелке. Злость. Азарт. Наказать.

Она как раз закончила сервировать, коротким жестом сложила руки у груди и кивнула:

– Приятного аппетита.

Хотела уйти? Нет. Окликнул:

– Подожди.

Она неувовимо дернулась, застыла на месте и наконец

взглянула на него. Мережков откинулся назад, положив руку спинку дивана, смерил ее взглядом и спросил:

– Сколько ты берешь?

– Что?

Странный взгляд такой у нее проскочил, можно подумать, испугалась. Вот только не надо целку из себя строить. Повторил:

– Сколько берешь за ночь?

Лену словно кипятком ошпарили.

От его слов в первый момент она даже растерялась, словно дух вышибли. А потом пришло это чувство. Знакомое уже, пережитое.

И сразу разлился спасительный холод.

– Извините, если вам ничего не нужно, я пойду.

Сумела выговорить спокойно, и голос не сорвался. Правда, руки пришлось спрятать, чтобы не было видно, как они дрожат. Повернулась, хотела уйти.

– Я сказал, стой! – Тихо, но прозвучало, как будто он кнутом щелкнул.

У Лены уже сердце начало выпрыгивать. Повернулась.

– Я сказал. Стой.

Повторил. Указал на диван рядом с собой.

– Сядь.

Лена с тоской взглянула на мужчин, топтавшихся в отделении. На дальнем конце большой беседки было маленькое с двух сторон закрытое помещение, специально для персонала. Там топталось несколько человек. Телохранители. Шарфова, Мережкова. Никто даже не дернулся в их сторону.

Не помогут.

Худшие предположения сбылись. Оставалось только вести себя естественно и не показывать страха. И стало от всего этого так противно... Лена оглянулась в ту сторону и села на диван напротив. А он продолжал смотреть на нее тяжелым взглядом, все так же облокотившись на спинку. Потом подался вперед, а в глазах нехорошие огоньки:

– Чего ты ломаешься? Я хорошо заплачу.

Ощущение липкой ледяной грязи на коже. Отвернулась. Пусть говорит что хочет. Если ему приспичило выговориться, пусть говорит. Лишь бы...

– Смотри на меня!

Обернулась, непроизвольно отдернувшись от неожиданности. Слишком уж близко прозвучал этот короткий рык. Слишком! Перебор!

В его глазах и так уже было мало человеческого.

– Извините.

Резко поднялась, чтобы уйти.

Она выказывала строптивость и холодную неприязнь, а на него это почему-то действовало, как красная тряпка на быка. Получалось, он, как холуй какой-то, выпрашивал у нее слово, взгляд? Он?

Что она строит из себя? Обыкновенная продажная тварь. Но тот голодный зверь, что сидел у Мережкова внутри, рычал, что она НЕ обыкновенная. Зверь хотел именно эту самку. Хотел немедленно.

Его подстегивало все. Темнота ночи и глухая дичь вокруг, ее холодность и видимое сопротивление, но гораздо больше – ее страх. А когда женщина дернулась в попытке сбежать, тормоза сорвало окончательно.

Быстрый рывок. Схватил ее, бросил на диван, подмял под себя. Женщина пыталась отбиваться, сопротивлялась. Заломил руки. Стал сдирать колготки с дергающихся ног, а у самого-то в голове ураган... Крышу срывает...

Только что-то на грани сознания не давало покоя. Наконец понял. Охрана, люди Шарафеича. Он же на виду у этого шакаля! Бл***. Зрелище им бесплатное устраивать?!

– Убрались отсюда к х***! – заорал дико.

Сам от себя не ожидал такой злости, охранников как ветром сдуло.

Теперь никто ему не помешает, никто. Никто!

Теперь это гибкое, злое, дико сопротивляющееся, сладкое тело его. Его!

Зверь урчал от удовольствия, дорвавшись до самки, зверь хотел, чтобы ей было приятно. Зверь хотел этого, был неутолим. Хотел, чтобы она кричала под ним.

И она кричала.

Сначала от бессильной ярости и унижения. От страшной душевной боли, незаслуженной обиды, словно у нее отняли самое важное. Без которого нельзя жить. А потом...

Потом случилось самое ужасное. Когда она в какой-то момент перестала понимать себя, перестала справляться. И уже кричала от страсти, унижения, отвращения, наслаждения.

После, когда наконец, не через час и не через два, но это все закончилось, он, завернул их обоих в плед и крепко сжимал ее в объятиях. Молча, страшно, как тисками.

А она... неживая от презрения к себе.

От непонимания, как она могла, как это могло случиться, за что?!...

За что, Господи...

Она не плакала. Слезы испарились, высыхали где-то по дороге, разъедая душу. В груди пекло огнем, а снаружи смертельный холод, ледяная грязь.

Так и молчали оба. Лена спиной к нему, скрючившись, боясь шевельнуться. Он прижимал ее к себе каждый раз, стоило ей попытаться встать или выбраться из его объятий. А ей хотелось исчезнуть, провалиться под землю. Скрыться от

себя куда-нибудь, где снова можно было бы ощущать себя человеком.

Но вместо этого память раз за разом подсовывала флэшбэк ее недавнего безумия, убивая на корню остатки уважения к себе.

Для Мережкова случившееся было как прорыв. Какой-то непонятный прорыв, открывший ему иные, новые грани состояний. Совершенно новое восприятие того, что может дать женщина. Наверное, будь он оборотнем или сентиментальным дураком, мог бы сказать, что такое возможно только в одном случае. Нашел свою истинную.

Но он не хотел думать об этом, не хотел озвучивать, анализировать, ничего не хотел. Потому что не понимал, что такое с ним творится. Просто знал, что теперь эту женщину не отпустит от себя ни на шаг, пока не насытится ею досыта, до полного пресыщения, пока не выпьет ее до доньшка. А потом...

Потом она будет обеспечена до конца своих дней. Он всегда был щедр с женщинами, а уж если у тех хватало ума вести себя правильно, тем более. Взглянул на нее, настороженно затихшую в его объятиях.

Усмехнулся беззвучно. Елена. Обер-кельнер. Хммм...

Напугал ее немножко, но сама виновата, пришлось. Нечего было выеживаться, целку из себя строить. Зато потом... умммм! Ощущения вернулись молниями в груди, заставляя его тело блаженно передергиваться.

А как она дралась с ним? Василий даже испытал за женщину некоторую гордость, не каждая так смогла бы вот так сопротивляться до конца. Но тем слаще была победа.

И вообще, был в ней какой-то стержень, делавший ее в чем-то почти равной ему. Сила воли, наверное. Занятная попалась официантка, таких любовниц у него еще не было.

Да что говорить. У него такого секса ни с кем еще не было. Вот уж не чаял тут нечто подобное встретить. Угодил Шарфеич, угодил.

Женщина давно уже перестала вырываться и затихла без движения. Дышала неслышно, похоже, заснула. Он все еще был возбужден, переполнен ощущениями и странной гордостью, чувством обладания, победы.

Думал, так и не заснет сегодня, однако вскоре погрузился в короткий, но крепкий, практически мертвецкий сон.

А когда проснулся минут через сорок, женщины рядом с ним не было.

Вот же строптивая сучка, подумал с ухмылкой, перевернулся на спину, раскинув в стороны руки. Лежал с закрытыми глазами минуту, потом резко поднялся и натянул одежду.

С этим своеволием надо кончать. Сразу, чтобы не повадно было. Должна была уже понять, раз не прогнал ее сразу после

секса, значит, она теперь его пока ему не надоест.

К тому же разные фантазии, мгновенно родившиеся в голове. Ночью он далеко не все опробовал, теперь хотелось продолжения. У него еще два дня чистых, можно провести их, не вылезая из постели.

Взглянул на часы. 4.07. Скоро охотники поднимутся. Видеть кого-то из них сейчас не хотелось, надо успеть уйти к себе раньше. Покидая беседку, оглянулся, окинул ее взглядом на прощание, запомнил зачем-то. Покачал головой, усмехнулся, сентиментальная хрень.

Подозвал одного из охранников, торчавших поблизости:

– Приведи женщину.

Тот зыркнул и странно замялся, заюлил, отводя глаза. Василий насторожился, почувствовав неладное.

– Что ты там мумишь? Говори понятно.

– Женщина уехала. Полчаса назад.

– Куда уехала? Как? На чем?

А потом вдруг разъярился, тряхнул мужика за грудки, прошипел зло:

– Почему выпустили? Кто позволил?!

Но трясти воздух было бессмысленно. Приказа не выпускать ее никто не отдавал. Женщина взяла одну из лошадей, сказала, что ей нужно срочно успеть принять партию продуктов, специально заказанную для сегодняшнего стола, и уехала.

Хоть на периферии сознания и скреблось беспокойство,

Василий принял эту версию. Во-первых, это могло оказаться правдой, а во-вторых, не мчаться же за ней посреди леса сломя голову.

Ушел к себе, лег. А только беспокойство и непонятная тревожность несколько не унимались. Он с трудом дождался утра, послал своего человека проверить. Чтобы убедиться, что женщина так и не вернулась. И вообще, уехала из имения Шарафова еще ночью.

Потом он везде искал ее, позорился перед Алишером. Обещая себе, что выдерет как Сидорову козу, ноги вырвет и шею свернет. А в сердце постепенно вгрызался страх. Дикая досада обманутых ожиданий и непонятный животный страх больше никогда ее не увидеть.

Но женщина исчезла без следа, оставив его со странной, непривычной, болезненно саднящей дырой в сердце.

Так он в первый раз потерял ее.

Глава 5

За столиком кафетерия пригородной автостанции сидела женщина. Уже довольно давно. Несколько часов. А сколько чашек кофе было выпито за это время, она бы не смогла сказать – не считала. Мучили воспоминания. Давние и новые.

Она не знала, как сюда приехала. Просто прыгнула в первый попавшийся отходящий пригородный автобус и сказала водителю, начавшему возмущаться, мол, нельзя без билета: – Мне надо уехать. Срочно.

И тот почему-то поверил. И вопросов больше задавать не стал. Молча взял плату за проезд до ближайшего населенного пункта, потому что женщина не знала, куда ей надо ехать.

Ей просто надо было уехать куда-то. Отодвинуться. Встать дальше, как можно дальше.

Дальше...

Но почему же воспоминания полезли именно сейчас? Когда она хотела бы все забыть и вычеркнуть, вырвать страницы своей жизни разом?

Просто, как бы мы ни хотели, вырвать страницы из своей жизни нельзя. Можно начать с чистого листа. А старые записи, как быть с ними? Хранить, читать?

Читать. И сколько их еще потом было, листов этих...

А прочитала-то она пока только самый первый.

Конечно же, первый эпизод остался вчистую за обвинением. Легкий ропот, прошедший по рядам обеих коллегий только подтвердил это.

Но слушания продолжались, хоть адвокат Марина Климова и видела, как тяжело и болезненно дается женщине детальная реконструкция. Что воспоминания, вызванные против ее воли, травят душу.

Но и в этом был свой тайный смысл.

Чтобы глубинный нарыв вылечить, его надо вскрыть.

Но столько чашек кофе зараз? Это же ни в какие ворота...

Женщина за столиком была все так же задумчива. Красивые тонкие пальцы поглаживали изогнутую ручку кофейной чашки. Лицо моментами чуть кривилось, брови хмурились, а под глазами собирались задумчивые морщинки. Будто она,

уйдя в себя, решала какую-то задачу и никак не могла найти ответ.

Ненакрашенная, просто одетая, хмурая, а все равно заметная. Она везде была заметна, не красотой, хотя и этим не обделил ее Господь. Но внутренняя сила, цельность, самодостаточность, вот что главным образом привлекало внимание.

Однако сейчас она привлекала внимание своей мрачностью и чужеродностью в этом месте.

– У защиты есть вопросы к пострадавшей стороне, – проговорила адвокат Климова.

– Задавайте, – еле слышно прошепестел в ответ секретарь.

Лена вертела в руке пустую кофейную чашку, наклоняя ее в стороны и разглядывая расплывающийся осадок. Состояние идиотское. Будто камень на шее. И вдруг в зале кафетерия появилась официантка с подносом. Молодая, бойкая, деловая, жизнерадостная. Понесла заказ к дальнему столу.

Привлеченная шумом, Лена оглянулась на нее. Она могла бы поклясться, что в этом кафетерии просто не может быть и отродясь не бывало никаких официанток. А тем более, таких подтянутых стильных и аккуратненьких. Уж в официантках-то она разбиралась. Как, впрочем, и в предприятиях общественного питания.

А потом, оглянувшись вокруг, заметила еще одну странность, пока она сидела, погруженная в свои мысли, посетители в забегаловке сменились. И теперешний контингент смотрелся даже как-то слишком интеллигентно. Пожала плечами. Это, конечно, странно, но... Какая разница?

И тут официантка, проходя мимо столика, за которым она сидела одиноко сгорбившись, вдруг остановилась и сказала, обращаясь к ней:

– Девушка, вы бы поели чего-нибудь, а то уже который час пустой кофе пьете, вы так совсем пищеварение испортите.

Официантка (Лена поняла наконец, что же ее в ней особенно смущает – большие черные солнечные очки! В помещении. Ночью.) доверительно шепнула:

– Я уже не говорю о том, что мотор застучит.

– Что? – изумилась Лана, понимая, что ничего не понимает.

Та склонила голову набок, проговорив уже другим тоном:

– Будет болеть сердце.

На эти ее слова Лена мрачно усмехнулась, сердце у нее и без того болело, будто его раскаленным прутом проткнули.

Что в сравнении с этой болью ей сделают несколько чашек кофе? Но в словах девушки был смысл, она с самого раннего утра ничего не ела. А сама официантка, несмотря на всю очевидную странность, казалась такой позитивной и располагающей к доверию, что Лена кивнула соглашаясь:

– Да, пожалуй. Принесите мне чего-нибудь.

– Одну минуточку, – деловито проговорила та, приподняв указательным пальчиком очки. – У нас тут делают отличный комплексный обед. Сейчас принесу.

Лена проводила ее взглядом, качнула головой и, отодвинув пустую кофейную чашку в сторону, приготовилась ждать. На удивление, ждать не пришлось вовсе. Девушка с подносом появилась ровно через минуту. Быстренько составила с него на стол несколько блюд и приборы.

И опустилась на стул напротив.

– Не возражаете, я немного посижу с вами? А то время уже позднее... – замялась она, оглядываясь, и тихонько выдала, – присесть хочется, весь день на ногах.

– Да, конечно, – Лена пожала плечами, сама хорошо помнила, как гудят ноги к вечеру от постоянной беготни по заказам. А теперь уже ночь.

– А вы кушайте, – улыбнулась девушка, указывая пальчиком на еду.

Тут оставалось только подивиться. Комплексный обед из трех блюд, будто перенесенный из хорошей ведомственной столовой советских времен. Борщ со сметаной, пюре с кот-

летой и треугольнички свежего серого хлеба с хрустящей корочкой. Да, и еще компот из сухофруктов. Приличные порции, а запах, мmmm... И вкус настоящей домашней еды.

За дальним столиком у стены сидели Гершин и Сабчаковский. Перед ними кроме стаканов с минеральной водой ничего не было. Гершин рассеянно оглядывал кафетерий, автовокзал, фонарь, видневшийся снаружи.

— Кхмм, — проговорил Сабчаковский. — И как только Климовой удалось уговорить Петровну, дать ей еду на вынос?

Гершин скосил один глаз на собеседника и негромко проговорил, поднеся ко рту стакан минералки:

— Вселенский женский заговор, коллега.

— Кхмм, — повторил Сабчаковский и отхлебнул водички из своего стакана.

От борща и котлеток он бы сейчас тоже не отказался. Да и от компота.

В наружной части здания суда имелась служебная столовая. Ибо господа судейские тоже люди, хоть и наделенные разными сверхъестественными способностями. И кушать им иногда хочется ой как, особенно если слушания затягиваются. Вот как сейчас.

А заведующая столовой Лидия Петровна настоящий цербер, никаких послаблений, никакого нарушения распорядка. А тут? Вопиющая несправедливость.

Игорь Наумович только загадочно шевельнул бровью, взглянув на недовольного собеседника.

– Спасибо, – сказала Лена, проглотив первую ложку.

Только начав есть, она поняла, насколько была голодна. Да и устала.

– На здоровье. Вкусно? – девушка повезила ладошками по столу и неожиданно добавила. – А меня Мариша зовут. А вас?

Вопрос был внезапный, а девушка в очередной раз показала Лене какой-то не от мира сего, но позитивной, даже очень.

– Вкусно, – кивнула в ответ. – А я Лена.

– Вы извините, Лена, – проговорила странная официантка. – Вы свой рейс ждете, или?..

– Нет. – она как-то сразу потемнела лицом и – Я только сегодня приехала.

Девушка сразу замахала руками:

– Тогда вам срочно в гостиницу надо, уже ночь на дворе. Я знаю хорошую неподалеку, там чисто и недорого.

Полезла в карман, вытащила визитку.

– Вот. Тут адрес и телефон.

– Спасибо вам, – Лена в очередной раз изумилась ее доброжелательной заботливости.

И вдруг сказала в порыве искренней благодарности:

– Дай вам Бог счастья, Мариша.

Та застыла на секунду, покраснела и неожиданно поклонилась ей, сложив руки на груди:

– Благодарю.

А потом стала быстро собирать на поднос пустые тарелки. Улыбнулась напоследок и ушла по проходу в моечную. Станные чувства все это вызвало у Лены, смешанные. Но будто сил прибавилось, и просветление какое-то.

Сейчас она сидела в ожидании, пока девушка принесет счет, и смотрела рассеянным взглядом на фонарь, мерцавший снаружи. Вспыхнет – погаснет. Вспыхнет – погаснет. Будто отыгрывает какой-то ритм.

– Девушка, мы закрываемся, – услышала вдруг и повернулась на голос.

Перед ней стояла тетка в несвежем халате, в руке тряпка. Лена нахмурилась оглядываясь. Сейчас зал кафетерия снова был пуст и выглядел так, как и положено забегаловкам на пригородных автостанциях.

– А куда делась девушка? Официантка Мариша? – Лена даже растерялась. – Она же должна была принести счет за комплексный обед?

Тетка посмотрела не нее сочувственно:

– Какой комплексный обед? – и стала ворча протирать стол серой тряпкой, – Ничего удивительного, если столько кофе выдуть на пустой желудок и не то померещится. И рас-
суживаться тут не надо, полночь вон уже.

Потрясенная Лена секунду смотрела ей вслед. Потом вытащила из кармана визитку, что ей оставила девушка, и уставилась на нее. Обычная визитка. Семейная мини-гостиница. Нахмурилась.

Еще раз глянула на визитку, подумала, что постарается осмыслить это в другой раз. При свете дня, когда соображать будет лучше. А сейчас, даже невзирая на всю странность, она не видела причин проявлять недоверие.

Навигатор высветил нужный адрес. Оказалось действительно недалеко. И чистенько, все как девушка и сказала. Лена взяла одноместный номер с крохотным санузлом, зато там имелся душ. Помылась и легла в постель.

Сон так и не пришел. Зато пришли воспоминания. Но теперь у нее было больше сил, чтобы с ними справиться.

– Адвокат Климова, защита получила ответы на свои вопросы? – поинтересовался секретарь.

– Да, вполне, – ответила адвокат.

– Тогда вернемся к реконструкции, – проговорил секретарь, скептически хмыкнув.

Впрочем, не он один. Прокурор Джейми недоверчиво косился, подозревая какой-то подвох от оппонентки, а Сабчаковский вообще не понял, за каким чертом была эта эскапада. К делу никакого отношения.

Чувствуя на себе взгляды, Мариша едва заметно поморщилась. Пусть думают, что она блажит. Не объяснять же, что пострадавшая просто устала и нуждалась в передышке.

Слушания продолжились.

Глава 6

Как быстро ей удалось выбраться из горного имения Алишера Шарафова, Лена сама поражалась потом. Видимо, Бог помог, что ее не задержали по каким-то формальным причинам, да вообще из-за какой-нибудь ерунды.

Повезло, отъезжал рефрижератор, доставивший ночью продукты. На нем она добралась до ближайшего населенного пункта, оттуда рейсовым автобусом дальше. Сначала на железнодорожный вокзал, потом электричками, поездами, автобусами домой.

Бежала, сломя голову, как зверь, которого травят. Глупо, наверное, но больше всего она боялась, что этот ублюдок начнет проявлять власть и изгаляться. Ему сломать ее, исковеркать жизнь ничего не стоит, просто так, из каприза. Собственно, жизнь ей он уже сломал.

Ведь прежде всего Лена бежала от себя, стараясь скрыть от всех свой позор. Спрятаться, чтобы ее не видели, не достали. В том, что утром все будут знать, как она развлекала высокого гостя, Лена ни секунды не сомневалась. И как никто не пришел ей на помощь, так никто в ее защиту слова не скажет. Она же теперь просто не сможет работать среди этих людей, не сможет смотреть им в глаза.

Всю свою жизнь Лена строила сама. Рано осиротела, ее

воспитывала тетка. Вечно озлобленная, непонятно за что обиженная на жизнь. Еще когда Лена была подростком, любила повторять:

— Кончится тем, что ты по рукам пойдешь, — и добавляла смачно. — Я в этом не сомневаюсь.

И Лена из кожи вон лезла, чтобы доказать обратное. Сама выбивалась в люди, работала, держалась, сцепив зубы, строила свое маленькое честное человеческое благополучие. Был неудачный опыт отношений, на злобную радость и бесконечные комментарии тетки. После этого Лена и зареклась вообще иметь с мужчинами дело.

Сколько трудов было вложено, сколько времени. сил.

Все псу под хвост, просто потому кому-то захотелось развлечься.

Но самым страшным было даже не это. Самым страшным было то, что ее лишили самоуважения. Строить жизнь можно начать и на пустом месте, можно все начать заново. Как быть с оплеванной душой?

Никак. Только время поможет зарубцеваться ранам.

Время. И новое место.

Сейчас, с высоты прожитых лет, она могла бы сказать, что ей, конечно, тогда повезло быстро и удачно исчезнуть. Но как ни изворачивайся, от себя не уйдешь, а неприятности имеют обыкновение возвращаться.

Неумолимая судьба.

У нее свои законы, она путей не меняет.

Как был зол Мережков, когда женщина пропала как в воду канула... Чуть не лопался от бешенства. А показать перед Алишером нельзя. И без того, позорился, бегал, искал ее наутро. Это слабость, нельзя показывать слабость. Мужчина не должен позволять себе такого.

Потому он высидел те три дня, и даже один лишний. Даже сходил на охоту вместе со всеми. Оказывается, под настроение зверушек убивать здорово. И по его застывшему лицу невозможно было понять, что творится внутри. А уж друг Шарафеич явно присматривался, выискивал болевые точки, слабинку ловил, восточная сволочь. Но в эту игру Мережков и сам отлично умел играть.

Он стал только жестче. Малейшие промахи, ошибки, какой взгляд, случайно вылетевшее слово, на которое он бы раньше не может, и не обратил внимания – ничего не укрылось от него теперь. Все и за все будут наказаны.

Но больше всех получит женщина, что посмела удрать от него ночью. Бросить его, когда он хотел продолжения, горел жаждой. Ее найдут и приведут к нему, тогда тварь поймет, что он с ней еще не закончил.

А пока он сидел за столом с Шарафеичем, шутил, улыбался, ел руками жареное мясо убитых им зверушек. Нах***.

Никакой больше европейской дребедени. Нах***!

И все это время внутри, в сердце, словно пружина скручивалась.

Знал ли он вообще, где у него сердце и для чего? Когда такое было, чтобы оно хоть шелохнулось хоть из-за чего-то? А теперь вот, будто шипами распирало изнутри и сдавливало снаружи. И не поймешь отчего, от злости, от бешенства, что ли?! Но такое чувство, словно в груди дыра. И ноет. И память. Некстати.

Некстати все!

В последний день, сидя за крытым столом с Алишером и не спеша ведя ниочемные разговоры, считал минуты, тянуло назад в город. Потом ехал с мыслью, что найдет эту тварь, натрахается до одури, до посинения, и вышвырнет. Чтоб знала. От таких, как он, не сбегают. Эта мысль подогрела его злость, подхлестывала жажду отомстить. И заставляла что-то трепетать внутри. Что-то неуверенное, слабое. За эту неуверенность ненавидел себя.

Он и так был на взводе. Еще в дороге сообщили, что женщина, которую он велел разыскать в городе, уволилась с работы и исчезла. В итоге, домой добрался злой как черт, и первое что сделал в ответ на Кристинино идиотское:

– Пусик! Я так соскучилась!

Отодрал ее прямо на полу в прихожей. А только ощущения совсем не те.

Она тоже пыталась сопротивляться, визжала – прическу испортишь! А потом шипела, что он не расплатится! И чтобы не смел больше так себя вести, иначе она от него уйдет.

Не удивительно, Кристина привыкла к тому, что она для Мережкова дорогая статусная игрушка. Он мог быть циничным мерзавцем, бывал иногда груб, но все же, никогда раньше так себя не вел, держался цивилизованно, рук не распускал. А сейчас он из привычных границ вышел.

Василий сидел на полу, прислонившись к стене. Слушал, слушал. Потом встал, бросив ей:

– Собрала вещи и убралась отсюда. К чертовой матери. Чтобы через час тебя здесь не было.

Ой, что тут началось...

И Васечка, да если тебе нравится грубо, да ради бога, хоть на люстре... да сколько угодно и как угодно... Я же так тебя люблю, ну подумаешь, вырвалось...

– Я сказал, пошла вон. Сейчас же, – у него даже зубы оскалились как-то по-звериному.

И тут с Кристиной произошла метаморфоза. Исчезло враз глупое щебетание и сюсюканье, а на лице возникло почти такое же звериное выражение, и между накачанных филлерами губ тоже показались клыки.

– Ты мне денег должен, – прошипела она.

Что? Денег он ей должен?! Тварь ненасытная.

– Чтоб твоего духу тут не было! – рыкнул он, разворачиваясь к любовнице.

Сейчас в его глазах светилась самая настоящая ярость, Кристина поняла, что лучше его в таком состоянии не провоцировать. Развернулась и шумно дыша ушла в спальню, собирать вещи. Мужчина проводил ее взглядом, а после пошел смыть с себя отвратительное послевкусие от секса с ней.

Женщина проворно и зло собиралась, запихивая все впережку в чемоданы, и думала, что этот ублюдок наверняка нашел себе другую. Но ничего, ничего. Ничего!

Собралась быстро, он все еще был в душе. Хлопнула дверь и ушла, пообещав напоследок:

– Ты еще об этом пожалеешь!

А мужчина стоял под струями чуть теплой воды, лившейся ему на голову, и вспоминал совсем другой секс, и совсем другую женщину. От этих воспоминаний ощущения заполняли его, заливали целиком, заставляли вновь испытывать отголоски того безумия. Шептали искушая:

«Что бы ты отдал, ради того, чтобы она сейчас была здесь? Чтобы взять ее тело так, как тебе хочется?»

Не выдержал, заорал и стукнул кулаком по стенке душевой кабины, потом еще и еще. Проклятый флешбэк!

После этого фрагмента неловкость испытывали все. Потому что такие переживания слишком интимные, слишком личные. Яркие. После такого трудно собраться и мыслить отвлеченно.

Еще одна из причин, по которым крайне редко применялась детальная реконструкция.

Секретарь сурово оглядел насупленные физиономии присутствующих, потом остановился взглядом на адвокате Климовой и произнес:

– На сегодня слушания окончены. Завтра в то же время, состав тот же. Место перехода будет уточнено дополнительно. Уведомление получите завтра в течение дня.

Все, кто на тот момент присутствовал в зале, немедленно оказались во внешнем холле. Огромные механические часы на стене по-прежнему показывали 00.00. Таковы уж особенности места, именуемого залом суда, там не движется время, нет отсчета. Сколько бы ни длились слушания, время останется неизменным, каким было на момент начала.

Часы ожили, секундная стрелка сдвинулась с характерным щелчком. Люди тоже пришли в движение. Все еще задумчивые и сумрачные, под впечатлением пережитого. Не так легко сбросить с себя сильные эмоции, пусть даже чужие, навязанные. Навязанные тем более. Потому что разум и душа сопротивляются этому насильственному вторжению.

Но работа есть работа.

Мариша стояла рядом с Джейми, их так и вынесло наружу бок о бок. Джейми встряхнулся, пытаясь избавиться от впечатлений, совсем как большой пес стряхивает воду. Латы звякнули.

Посмотрел на Маришу, девушка тоже выглядела задумчивой.

– Ну что, в бар, и по одной? – спросил Джейми.

– На немецкий счет, – ответила она, глянув на него насуплено.

– Пойдет, – ответил тот, снимая шлем.

Повертел затекшей шеей. Бой остался там, за дверью зала, а усталость начала сказываться сейчас.

– Я пошел переодеваться, жду тебя в холле через пять минут.

Мимо них прошел Сабчаковский, сердито взглянул на девушку-адвоката и выдал:

– Климова, вы сегодня заставили нас всех окунуться лицом в ... – и смерил осуждающим взглядом.

Не оставалось сомнений, во что им всем пришлось ныр-

нуть по милости взбалмошной девицы. Джейми закатил глаза, уж ему-то была хорошо знакома страсть маститого прокурора к обличительным речам. А Мариша приподняла свои темные очки и состроила улыбочку, проговорив ему вслед:

– Все было в пределах протокола.

– Климова, – молодой прокурор кивнул в сторону часов. – Не отвлекайся, а то опять опоздаешь.

– Ты! – хотела возмутиться Мариша, оборачиваясь к нему.

Но Джейми уже удалялся, сверкая доспехами и поражая грацией движений. Ну... насколько это в тяжелых доспехах да со здоровенными огненными крыльями возможно. Пижон, любит покрасоваться. Крылья-то уж теперь можно и спрятать. Мариша взглянула на свои белые одежды адвоката, шевельнула легким белоснежным крылышком и подумала, что ей, вообще-то, повезло. Случись у нее огненные крылья, как у Джейми, тоже бы теперь доспехи таскала.

Повезло, да. Защищать Мережкова ей повезло.

Почувствовала на себе взгляд. Игорь Наумович. Смотрел на нее издали, явно все слышал. Кивнул, прикрывая веки, мол, поход в бар с прокурором одобряю. Марише вдруг стало весело.

Наставник всегда был неизменно добр к ней, даже когда подкалывал и давал иезуитские задания, всегда заботился и тонко чувствовал ее душевное состояние. И сейчас в его глазах было много тепла и поддержки. Однако она заботилась о

нем тоже. И ей следовало проконтролировать, куда это старый аллигатор намылился, а он явно намылился.

Мариша сделала вопросительный жест. В ответ Гершин показал глазами на Сабчаковского и изобразил пальцами идущего человечка. А, ну понятно. В служебную столовую. Марине вспомнился борщ и несытая физиономия Дмитрия Дмитриевича, стало смешно.

Но тут она спохватилась, надо и впрямь идти переодеваться, а то опоздает на доли секунды, потом разговоров не оберешься.

В холл они с Джейми вышли одновременно, но из здания суда этот невозможный тип снова вынес ее на своих крыльях. И, как всегда, цапнул ее в охапку, раньше, чем она успела среагировать.

Материализовались на полутемной улице у того самого фонаря. Мариша сердито отстранилась.

– Вот и зачем ты так делаешь?

– Чтобы послушать, как ты фырчишь, будто рассерженный ежик, – ответил Джейми, миролюбиво поднимая руки ладонями вверх. – Ладно, не дуйся, больше не буду. Пошли?

– Пошли, – буркнула девушка, и они снова исчезли, скрывшись с тусклом свете фонаря, только теперь поодинач-

ке.

Мужчина на койке реанимационной палаты тоже получил временную передышку. Боль душевная и физическая наконец вырубили переключатель его сознания. И вязкий, темный покой, не прерываемый образами или сновидениями, затянул его в свои объятия.

Состояние почти равное небытию. Фактически, сейчас от настоящего небытия его удерживало только решение, которое примет суд.

И еще последнее желание.

Глава 7

Из пространственного коридора Мариша с Джейми вынырнули у очередного тускло подсвечивавшего пустынную улицу фонаря, прямо напротив дверей бара. Точнее, никаких дверей бара там не было, был заколоченный досками вход в заброшенный подъезд нежилого дома в старой застройке. Крыльцо с пандусом, обшарпанные перила, большая табличка «Ремонт».

На крыльце сидел кот. Обычный рыжий. Фейсконтроль на входе. Внутрь никто не попадет, пока не предъявит внутреннюю сущность, потому что люди там собирались сплошь непростые, все со сверхъестественными способностями. Можно сказать – закрытый ведомственный клуб.

Глянул на них рентгеновским глазом и мотнул усатой мордой, мол, проходите.

Бар, в котором время от времени собирались судейские, был открыт до трех. И если снаружи все выглядело неказисто, то внутри глазу представлялась совсем иная картина. Просторный чистый зал, негромкая музыка. Приятный, неярко свет.

Сегодня интерьер был выдержан в стиле французского кафе конца позапрошлого века. Кругом хрусталь и зеркала. Нет, все это было очень красиво и хорошо, но слишком уж

часто менялся интерьер в этом заведении, оставалось только вертеть головой, привыкая к новому убранству.

Джейми выразительно вздохнул.

– Жесть. – оценила здешнюю красоту Мариша, попутно двигаясь к стойке.

Взяли себе выпить, Джейми пива, Мариша мохито, и устроились за столиком у стены. Народу было немного. Несколько демонов от бизнеса, время от времени в разговоре мелькали их полупрозрачные текущие серо-стальные крылья. Компания богемных от искусства сидела за сдвоенными столиками в другом конце зала. Те радовали глаз многоцветьем крыльев от бледно-голубого до ярко-зеленого и фиолетового.

А из судебных сегодня только они.

Хотя нет. Присутствовал еще один редкий гость – дознаватель. Дознаватели вообще были отдельной кастой в судопроизводстве. Нечто вроде службы надзора над надзором. И что интересно, между мирами перемещались беспрепятственно, а крыльев у них от природы не было.

Дознаватели работали индивидуально, сами проводили расследование, в отдельных случаях сами же приводили в исполнение приговор. О них ходили разные слухи, но каковы истинные возможности дознавателей, никто толком не знал. И тут Мариша могла бы гордиться собой, Игорь Наумович даже один семестр натаскивал ее на дознавателя. Всех тонкостей работы она, конечно, не знала, да и ни к чему, как он

ей сказал. Но...

«Мариша, ты среди нашей адвокатской братии единственная девушка, а потому должна знать больше, и все уметь все гораздо лучше других», – любил говаривать шеф.

И был прав.

– Слушай, Климова, – услышала голос Джейми. – Зачем ты вообще взялась защищать этого уroda?

Она обернулась, взглянуть на Джейми. Сейчас его лицо было суровым и мрачным, а всегдашняя веселость сошла, будто маска.

– Отказаться не получалось, понимаешь? Первое дело.

Он кивнул, крутнул в руке стакан и нахмурился, сжав зубы.

– Ты уж извини, но поблажек от меня не будет, – проговорил негромко, отпивая глоток баварского.

– Я знаю, – просто ответила девушка.

Джейми Аоринделл, в отличие от нее, был уроженцем другого мира. А сюда навсегда перебрался после трагедии, постигшей его семью. Говорили, будто именно после той трагедии он и приобрел свои крылья. Что там было, Мариша доподлинно не знала, но примерно догадывалась. Слишком уж непримиримое у него было отношение к насильникам.

Повинуясь внезапному порыву, накрыла его руку своей.

– Спасибо, что поддерживаешь меня. Знаешь, твоя дружба для меня значит очень многое.

Джейми взглянул на Маришу, многозначительно поиграв

бровями.

– Дружба? Я тут растрачиваю тонны обаяния, понимаешь...

– Пфффф, – фыркнула она. – Все твое обаяние заключается в том, что вечно хватаешь меня в охапку и тащишь в переход.

Джейми откинулся на спинку стула и со вкусом расхохотался. На них тут же уставились. Пришлось свернуть веселье.

– Так говоришь, я не обаятельный? – хитро спросил Джейми, который и впрямь испытывал к Марише скорее дружеские чувства. – А кто, по-твоему, обаятельный?

– Только не смейся, – предупредила, погрозив пальчиком. – Ваш Сабчаковский, если бы не был таким занудой.

– Оооо, – чуть не подавился Джейми.

– Ой, ну и Игорь Наумович, однозначно! – закатила глазки Мариша.

В том, что господин Гаршин, этот динозавр от адвокатуры, обаятелен как черт, Джейми как раз не сомневался. Как и в том, Мариша относится к своему куратору, как к чему-то среднему между любимым дедушкой и любимым котом.

Они еще посидели, рассказывая анекдоты и курьезные случаи своей из практики. Например, Мариша призналась, два с половиной года провела кошкой. Гершин направил в другой мир, типа на подготовку к зачету по анализу обстановки и сбору улик, на самом деле, канал для перехода готовила.

– Кошкой? Ты? – тихонько ржал Джейми, показывая на нее пальцем. – А вообще, похожа!

Вот сейчас, сняв очки, Климова точно была похожа на рассерженную кошку, Джейми вдруг перестал смеяться, потер ладонями лицо и выдал:

– Господи... Как я не хочу копаться в воспоминаниях Мережкова...

– Давай не будем о работе? – проговорила Мариша, уткнувшись в свой мохито.

– Да, ты права. А знаешь, ты сегодня хорошо держалась. Девушка едва заметно улыбнулась и покраснела от удовольствия.

Еще бы! Первое настоящее признание.

Крохотная, но победа. Но сколько еще их понадобится, чтобы довести дело конца? Сколько душевных сил потребуется от всех? И все равно, она была уверена, что не зря это затеяла.

И в этот момент, словно кольнуло что-то, повернула голову. За дальним столиком сидел дознаватель и не отрываясь смотрел на нее. От его пристального взгляда Мариша внезапно смутилась и опустила глаза. Когда первая реакция прошла, и она решилась взглянуть в его сторону снова, столик оказался пуст. Она осторожно обвела глазами пространство, но дознавателя в зале уже не было.

– Мариша, что? – негромко спросил Джейми, видя, что девушка притихла.

— А? Ничего, — ответила она. — Наверное, пора домой. Завтра будет трудный день.

— Действительно. — проговорил Джейми поднимаясь. — Пошли, провожу тебя, поздно уже.

Она улыбнулась и подала руку прокурору, которого теперь уже с уверенностью могла бы назвать другом. Не возразила, когда он перенес ее на своих крыльях до машины, а потом еще подвозил до дому.

Коротко переговариваясь с Джейми, смотрела в окно на свое отражение и думала при этом совсем о другом мужчине. Об этом дознавателе. Вот же странно, всего несколько секунд, а его облик отпечатался в памяти раскаленным клеймом. И глаза...

И почему он так смотрел?

Дома, боясь себе признаться, что мимолетный взгляд какого-то постороннего мужчины мог взволновать ее настолько, чтобы она потеряла покой и душевное равновесие, Мариша пыталась понять, с чем мог быть связан интерес к ней этого непонятного, закрытого и таинственного человека.

Был ли вообще интерес, может, ей просто почудилось? А если был, то какого плана? Вроде она ни в чем криминальном не засветилась. В конце концов, у нее от разных вопросов и домыслов образовалась каша в голове, а мыслей ценных так и возникло.

В растрепанных чувствах завалилась спать. Но и во сне ей снился тот дознаватель, смотрел на нее из темноты.

Следующий день весь прошел под знаком душевного брожения.

Обычная жизнь Марины Климовой состояла из тех же вещей, что и у всех остальных обычных людей. То есть, она работала в адвокатской конторе Игоря Наумовича Гершина. Теперь уже вполне официально. Дела он ей поручал без всяких скидок на молодость и отсутствие опыта, вернее, всю огромную подготовительную работу по ним.

Непосредственное общение с клиентами, конечно, осуществлял сам. Не потому, что не доверял девочке, просто менталитет большинства клиентов не позволял соотносить цветущую молодость Мариши с умением вести дела. Зато ей доставалась теперь вся работа по классификации, упорядочиванию, архивированию и прочему, и прочему, чему нет числа.

Но уж что-что, а работала Мариша хорошо. Да и хватка у нее была акулья. Потому, видя, что молодая сотрудница прекрасно справляется, шеф преспокойно мог сказать:

– Маришенька, я выскочу на часок. А ты пока вон тот отчетик подготовь... – и удалялся к себе в святая святых.

В изолированную приватную комнату, оборудованную за рабочим кабинетом.

Это его «на часок выскочу» означало, что он мог смотаться в гости или по делу в какой-нибудь другой мир. Мог сделать это сам, а мог и Селима* с его саркофагом в качестве такси вызвать. А иногда вообще, запирался там и среди бела дня принимал теней крылатых*. Хорошо еще, обычные посетители не видели призраков, аккуратной очередкой толпившихся в одной с ними приемной.

Короче, куратор наслаждался свободой, работая по своему плану.

В такие моменты Мариша, на которой висел весь офис, думала, отчего бы шефу не наслаждаться свободой, если рабы пашут на плантациях? И строила планы мести. Однако злопыхание злопыханием, а ей нравился этот сумасшедший ритм жизни, плотная загрузка мозгов. Она чувствовала, как растет. Растет постоянно. В интеллектуальном плане, конечно. Потому что своим ростом 167 см и весом 51 кг была вполне довольна.

Так было всегда.

А сегодня и работа как-то не ладилась, и в мысли постоянно вторгались странные предчувствия, подозрительная тревожность и... томление. Глупое чувство и совершенно некстати.

Стыдясь себе в этом признаться, она закрывала глаза и видела его вновь. Этого мужчину. Видела крепкую, подтянутую, словно стальную фигуру, суровое лицо с резкими чертами, на котором застыло какое-то нечитаемое выражение.

И взгляд. На самом деле, свет падал так, что густые тени от бровей полностью скрывали глаза, их не было видно. Но взгляд...

Каждый раз это ощущение заставляло ее поеживаться. Вот и какого черта так смотреть на девушку? что ей теперь думать?

Еще и Игорь Наумович временами как-то странно на нее косился.

Уведомление с координатами нового места перехода ей доставил с дневной почтой мужчина – курьер, разносивший толстенную кипу разных бумаг в стопятьсот разных офисов. Расписываясь в получении и глядя, как он равнодушно смотрит в окно, Мариша думала, что мужик понятия не имеет, какие бумажки разносит, и этим счастлив. В отличие от некоторых, которым скоро предстоит с пристрастием копаться в чужих воспоминаниях, да еще пытаться понять, чем она могла привлечь внимание дознавателя.

Тяжелый вздох вырвался из груди, а в мыслях мелькнула расхожая истина, что во многом знании много печали. Поймав себя на внутреннем комментировании, Мариша наконец улыбнулась. Это хорошо, если можно посмеяться над собой, значит, еще не все потеряно.

На вечерние слушания она в этот раз решила поехать на машине. Проклиная все на свете, простояла полтора часа в пробках. Потом плюнула, припарковалась перед сквером у станции метро и нырнула в подземку.

В общем, еще сорок минут мытарств, и адвокат Марина Климова наконец-то оказалась у очередного погнутого временем уличного фонаря, чтобы втиснуться в пространственный переход. И чуть не налетела на Джейми. Тот словил ее в движении и с ходу стал выговаривать:

– Мариша, ты где? Я уже начал волноваться.

– А ты чего? Меня тут ждал, что ли? – недоверчиво спросила, приподняв очки.

Джейми поджал губы и бросил косой взгляд куда-то в сторону. Потом выдал:

– Гости у нас. А тебя все не видно.

И тут она обратила внимание, что обстановка в холле такая, будто кто-то весь воздух выстудил. А коллеги слегка напряженные, все больше помалкивают и косятся в сторону больших часов.

Часы показывали 23.49.

А прямо рядом с часами в одиночестве стоял тот вчерашний дознаватель. Она аж похолодела, рот приоткрылся, на секунду забыла, как дышать. И тут же залилась душной волной, потому что в этот самый момент немигающий взгляд дознавателя остановился на ней.

Задержался на секунду и двинулся по холлу дальше. У Мариши было такое чувство, как у рыбы, которую уже поймали в сеть, вытащили на воздух, а потом почему-то опять бросили в воду.

Из ступора вывел Джейми:

– Климова, пора!

– А... Да, спасибо, я... пошла готовиться.

Успев заметить по дороге, что к дознавателю подошел Гершин, и они поздоровались и разговорились, совсем как старые знакомые. Не забыть выпытать потом у старого аллигатора, откуда он его знает. Но времени на обдумывание и выяснение не оставалось.

Потом, идя в своих белых одеждах через холл в зал суда, она все высматривала этого человека, пытаясь понять причину его появления тут. Вообще, первое впечатление от его присутствия в толпе судебных, наделенных белыми и огненными крыльями, было странным. Он казался инопланетянином среди них. Красивым, этого невозможно было не признать, но непонятным и опасным.

Но в холле дознавателя не было видно, и Мариша напряглась. А вдруг он в зале? Потом представила, как будет трястись, если и вправду так, ужаснулась и решила оставить все мысли о нем на потом.

Сосредоточилась. Работа прежде всего. Сосчитала до трех и шагнула внутрь. А следом за ней в латах прокурора появился Джейми.

Быстро оглядевшись, Мариша с облегчением обнаружила, что в зале, кроме коллег, посторонних не было. Постаралась расслабиться и настроиться на дело, от которого ее отвлекали мысли о странном госте.

А дело Мережкова само по себе было тяжелым испытани-

ем, потому что вызывало мощный глубинный отклик. Мариша знала, вчера в зале не было равнодушных, и этот отклик не рассеялся за день. Сегодня все выглядели собранными, больше никаких язвительных улыбочек, шуточек и намеков.

Секретарь обвел глазами присутствующих и объявил слушания второго дня открытыми.

Глава 8

День у больного в реанимации не принес изменений. В сознание он так и не пришел и на внешние раздражители не реагировал. Но день бесчувствия дал силы встретиться со своими воспоминаниями вновь. Пусть они несли боль, в них сейчас была его жизнь.

Начиная с поездки к Алишеру на Фишт, жизнь Василия Мережкова незаметно для него разделилась на до и после.

До все было хорошо, налажено, четко. Он двигался вперед и точно знал, что принесет завтрашний день. Практически на сто процентов. Какие-то левые движения ложных друзей или конкурентов отслеживал заранее и пресекал на корню. Потому что знал, чего хотел, и видел, что делать, чтобы это получить. И всегда получал.

Алгоритм не подводил никогда и нигде.

И вдруг вся эта налаженная машина почему-то дала сбой. И наступило после.

В тот момент Василий даже не осознал наступивших пе-

ремен. В тот момент он просто злился. Но прошло еще несколько дней, а люди, которым он платил, чтобы нашли ту официантку, с которой ему почему-то необходимо было закончить, так никаких новостей и не принесли. А странное ощущение, будто его незаслуженно лишили чего-то жизненно важного, стало проявляться все ярче.

На прежней работе в известном на всю Москву ресторане, сведений, куда направилась бывшая обер-кельнер Елена, не было. Адрес прежнего места жительства оказался съемной квартирой, с которой она съехала в тот же день, не оставив координат. Естественно, и номер сотового оказался недействительным.

Единственное, что удалось узнать, из родственников у этой Елены была только тетка Зинаида Александровна, теткин адрес и домашний телефон. Туда наведались, но кроме злорадства, что беспутная племянница наконец пропала на стезе порока, она тоже ничего не смогла сказать.

Какой-то замкнутый круг.

Замкнутый круг, в котором он застрял в движении на одной точке. Потому что ему надо было закончить! Маленький сбой, но механизм потихонечку пошел вразнос.

Прошла еще неделя.

Внешне Василий Павлович вел прежнюю жизнь. Все те же дела, переговоры, встречи. А внутри подспудно включался какой-то поисковик, заставлявший его против воли возвращаться мыслями этому незаконченному моменту, и отрав-

для существования.

На дальнем плане маячила обиженная Кристина. Пыталась достать его с разных сторон. Нах***! Вот бывшую любовницу возвращать он точно не собирался. С этим было все в порядке. Не в порядке было с другим.

Не в порядке было с его болезненной жадой, заставлявшей желать именно ту женщину. Неправильно, какая-то дурацкая ошибка.

Он и сам понимал это. Но лучше от этого не становилось.

Нельзя сказать, что не пытался стереть, заместить те проклятые ощущения другими. Несколько вечеров, убитых на очень дорогих и очень умелых женщин, его, конечно, развлекли, но проклятый синдром незавершенности, разъедал все как кислотой.

А если честно, то даже сравнивать... Даже сравнивать было невозможно.

Слушая как-то вечером в своем кабинете очередной нио-чемный доклад о том, насколько продвинулись его люди в поисках бывшего обер-кельнера Елены Смолиной, Василий Павлович вертел в руке сотовый. И вдруг понял, что должен включиться в эту охоту сам.

Он всегда был человеком действия, это пассивное сиде-

ние и ожидание доставляло ему дополнительные отрицательные эмоции. Охота обещала действие. Что интересно, стоило этой мысли созреть, он даже испытал некоторое облегчение и подъем духа. И даже тот суеверный "мурашек", суливший успех в делах.

А потому, поручив своим людям копать дальше, назавтра в тот ресторан, где раньше работала Елена Смолина, он отправился сам.

Он бывал там не раз и не два, нравилась кухня, безукоризненное обслуживание, специфический неуловимый «дорогой» дух. Мережков спрашивал себя, отчего раньше никогда не видел тут эту обер-кельнершу? Возможно, и видел, просто не замечал, как не замечал приходящих уборщиц, водителей, работников автосервисов и прочих, кто делал его быт комфортнее. Потому что услуга давно уже стала для него только фоном.

Получается, надо было полностью сменить обстановку, попасть в другой мир, где они оба были инородными телами, чтобы все понятия сместились, и наконец заметить?

Неважно, как это произошло и почему. Сейчас он просто хотел найти эту женщину.

Престижный VIP гость был замечен сразу же, как только перешагнул порог ресторана. На пожелание переговорить с администратором, Василия Павловича немедленно проводили в небольшую уютную гостиную со светлой мебелью и принесли поднос с разными фирменными ништячками и ми-

нералкой.

А меньше, чем через полминуты появилась ухоженная, красивая, "дорогая" и умная женщина с безупречными манерами. Администратор Алла Максимовна. Ее он видел мельком несколько раз, но тоже никогда не интересовался. Женщина улыбнулась идеальной улыбкой и присела в кресло напротив.

– Добрый день, Василий Павлович, – спросила, закинув ногу на ногу. – Чем могу быть полезна?

Женщина говорила, глядя на него, а он ощущал этот эффект узнавания, вкус привычной жизни. Европейский лоск, кондиционированный воздух, безошибочно работающий алгоритм «я хочу – я получаю».

Сейчас Мережков хотел получить ответы на свои вопросы. И он задавал их, поддерживая некую игру, чтобы скрыть свою истинную цель. А администратор ресторана отвечала. Однако, чем дальше затягивалась эта игра, тем Василию Павловичу почему-то становилось скучнее.

Администратор Алла Максимовна была красивой женщиной, в глазах которой читался недвусмысленный к нему интерес. В ее представлении Мережков как-то не соотносился с их бывшей официанткой, потому она и не восприняла всерьез его вопросы о ней. Аллу Максимовну больше занимало другое. Гламурные сплетни в обществе распространяются быстро, а Мережков был заметной фигурой. И ей было известно, что тот не так давно выставил любовницу за дверь.

Возможно, в глубине души она и сочувствовала известной светской львице Кристине Б..., но очень в глубине. Гораздо явственнее читалось желание занять ее место. Вела себя Алла Максимовна весьма деликатно, но интерес демонстрировала, как бы ненавязчиво намекая, что уж с ее-то стороны разных глупых выходов не будет. Она знает правила игры, и...

Тут в красивых глазах женщины на мгновение включился калькулятор, а Мережков понял, что наступил предел, дальше которого ему уже не хотелось сдерживаться. Раньше, еще немного времени назад, он не задумываясь принял бы эти товарно-денежные отношения, потому что в его представлении они были самыми честными. Но не теперь.

Женщина еще говорила, он вскинул ладонь останавливая. Сказал:

– Благодарю вас, Алла Максимовна, будет что-то новое, сообщите, я в долгу не останусь.

– Конечно, конечно...

Он не стал дослушивать, оставил щедрые чаевые и ушел.

Ушел, с досадой понимая, что весь этот привычный набор, доставлявший удовольствие и чувство комфорта. как-то сдвинулся, отъехал в сторону. Потерял безусловную ценность.

Как будто там в горах в нем что-то изменилось. Изменения стали проявляться постепенно, и не сказать, что он был им рад, но ничего не мог с этим поделать.

Однако кое-какие сведения Мережков все-таки получил.

Уже потом, в машине прокручивал разговор заново. Из рассказа администратора явствовало, что бывшая сотрудница Елена вела довольно замкнутый образ жизни. Что касалось мужчин, она так и сказала:

– Мне неизвестно, были ли у нее с кем-то отношения. За те два года, что она у нас проработала, мне не приходилось никого рядом с ней видеть. И с клиентами вела себя всегда очень ровно и даже дистанцировалась, – тут она повела плечами и со скрытым неудовольствием поджала губы. – Какая-то невероятная гордячка. Со странностями. Ну, вы понимаете, о чем я. Простите, но изрядно выпившего клиента гораздо легче раскрутить, а она этим никогда не пользовалась, даже передавала свои столики другим.

Еще одно интересное предположение высказала Анна Максимовна про мужчин в жизни бывшей обер-кельнерши. По ее предположению, у Елены имелся какой-то трагический опыт, потому что слишком уж она замкнуто и ровно со всеми держалась.

Поход в ресторан добавил немного штрихов к образу женщины, до которой ему необходимо было добраться, но не приблизил к цели. Потому что намеков, где ее искать, Ме-режков так и не получил. А раздражение только усилилось.

Время, которое он мог урвать у себя, закончилось. Его беспрерывно вызванивали, пришлось вернуться к делам и зарыться в них до позднего вечера. Следующим этапом он собирался навестить тетку Елены. Но это завтра.

А ночью он решил наведаться в клуб, чтобы немного развеялось это гадское состояние, начинавшее его откровенно доставать. Уж половая абстиненция никак в его планы не входила, зато почему-то получалась вынужденно. И во всем виновата эта проклятая официантка, с которой ему надо было закончить. Просто закончить, и все.

Пара часов, проведенных в клубе, дала не тот результат, которого ему хотелось. Расслабиться нормально не вышло, потому что вскоре после него тут с новым хахалем появилась Кристина. Сладкая парочка уселась недалеко от него и стала

усиленно изображать любовную любовь.

Эти ее потуги, заставить его ревновать, Василий видел их насквозь. Такими сучьими глазами не смотрят на другого мужика, если кого-то любят. И слишком уж явно она начинала активничать, стоило ему повернуться в ее сторону. В какой-то момент стало просто противно смотреть.

Сам себе поражался, как мог прожить с ней почти полгода. Вроде и совесть должна мучить, что изнасиловал бедняжку и выставил под зад коленом, но совесть даже не шелохнулась. Хотелось бы только узнать, кто из его людей сливает ей информацию. Откуда-то же Кристина узнала, что он сегодня здесь будет. Впрочем, может, и случайно.

Зато встретился с нужными людьми, немного дела продвинул. Отвлёкся на какое-то время. Но надолго не дали. В очередной раз увидел, как она из кожи вон лезет, и отвернулся, сцепив зубы, чтобы не сплюнуть.

Хотя... Пусть делает что хочет, ему теперь совершенно безразлично.

Однако и то, зачем он сюда пришел, тоже получить не мешало бы. Теперь он уже прицельно посматривал на народ в клубе. На глаза попалась девица. Лениво покачивалась на танцполе.

Блондинка, стройная, спортивная, ухоженная, холодная. Без всяких намеков на высокие чувства и прочую дребедень. На лице написано – ты мне бабки, я тебе досуг. Все честно. Но со спины она в какой-то момент неувловимо напомнила

ее.

Он и сам от себя не ожидал. Поднялся как по щелчку, бросил компанию прямо посреди разговора. Подошел, не особо спрашивая, потащил ее в кабинку мужского туалета. Хотя она и не сопротивлялась, даже наоборот.

Все было быстро и грубо. И если не видеть ее лица, то... Потом он швырнул ей бабки, много бабок. И тут же ушел. Из туалета, из клуба, из кондиционированного воздуха. Наружу.

Вернулся домой мрачный и еще более раздраженный, чем был, когда в клуб собирался. Почему каждая попытка сбросить с себя это наваждение разбивалась вдребезги о те проклятые воспоминания? Почему?!

Так не должно быть.

Налил себе полный стакан, потом еще и еще. Растянулся в холле на диване, стакан с коньяком поставил рядом на пол. Закрыв глаза, вызывая ощущение пустоты во всем теле.

С этим надо поскорее закончить.

С чем? Спросила пустота.

С чем? Спросил он у себя. С этим?

Из нагруженного алкоголем сознания стали возникать мелкие кусочки воспоминаний. Не тех, о тех он запретил

себе думать. Других мелочей. Сейчас он сам был удивлен, сколько чего он, оказывается, подметил. А думал, что не смотрел в сторону этой женщины.

Незаметно пришел сон. А во сне...

Во сне было светло, во сне он был счастлив, пока все не накрыла тьма.

Утренний визит к тетке Елены в очередной раз доказал Василию, что народ, вообще-то, быдло. К тому же продажное быдло. Впрочем, он и не сомневался.

Тетка встретила его воинственно и настороженно, на вопрос, где может находиться ее племянница, заявила, что к делам этой к*рве отношения не имеет. Если та что-то укра-ла и еще во что-то вляпалась, пусть разбираются с ней сами. А ее к этому делу не примешивают! И хотела уже выставить его за дверь.

Выставить за дверь? Его?

Пугать до усера он умел виртуозно. Одним только взглядом. Тетка сразу сбавила тон, пригласила посидеть. И дальше они уже поговорили нормально. А уж когда показал ей кончик купюры, вообще стала шелковой.

Но при всем желании, не имела представления, куда могла деться ее племянница. Только сказала:

– Откуда мне знать? Она всегда была нелюдимая и замкнутая. С самого детства, – на миг в голосе проскользнули нотки вины, но сразу скрылись за обычной черствостью. – Мне давно уже ничего не докладывают.

Зато от нее Василий узнал кое-что о прошлом Лены. Тетка с неприязнью рассказала о том, что у той был один субъект. Влюбилась от большого ума, оказался урод, каких мало. Поматросил и бросил, да еще рукоприкладствовал.

– А я говорила ей! – кивала тетка. – Я говорила! Да кто со мной посчитался?!

Василий слушал ее молча, не перебивая. А у самого зрело желание лично переломать ублюдку пальцы. Непонятно откуда возникшее, темное. атавистическое, но стойкое.

Дослушав, подкинул тетке еще купюру, Мережков ушел. День был занят делами, но по его приказу того хмыря, Лениного бывшего хахаля, разыскали. Во-первых, он мог что-то знать, а за сведения Василий Павлович готов был даже платить. Увы, тот вовсе не имел никаких сведений о женщине, которую он разыскивал. И это не отменяло того, что он собирался сделать, во-вторых.

Во-вторых, пронаблюдал, чтобы бывшему любовничку, так и не понявшему, в чем дело, кости пересчитали. Этого хотел внутренний зверь, и от этого Василий Павлович получил некоторое удовлетворение.

Однако найти Елену так и не удалось.

Странное состояние. Когда первоначальный острый реци-

див переходит в хроническую ноющую боль.

Если в первый момент Мережкову казалось, что вот еще чуть-чуть дожать, еще чуть-чуть... Но с время шло, а желаемое стремительно отодвигалось, принося тревожное осознание, что, вполне возможно, он никогда этого самого, чего ему хочется, так и не получит. А не такой он был человек, чтобы отказаться от желаемого.

Сначала это его бесило безумно. Сжимая зубы, думал, найдет, ноги вырвет. Она у него за все ответит, за каждый сгоревший по ее милости нейрон. А потом злость не то чтобы ослабла, просто перешла в другое качество. И он механически искал везде свою потерю. Презирал себя за это, но искал, ничего не мог с собой поделать.

Прошло еще три месяца.

В один из ноябрьских дней его внедорожник стоял в пробке на светофоре. Мокрая промозглая погода, температура чуть выше нуля, хлюпающая жижа на обочинах. Он, как всегда, на телефоне, лаялся о чем-то с одним из поставщиков. И...

Глава 9

С утра было промозгло, пасмурно, мокрый снег с дождем. И так попеременно почти весь день. К четырем часам немного прекратилось, но все равно, снежная жижа грязным войлоком скапливалась у обочин. Рыхлой серой ватой нависали облака, цепляли крыши домов.

А ему вдруг показалось, что брызнуло солнцем.

Кафе на углу у перекрестка, похожее на аквариум. Интерьер какой-то авангардистский. Но это все ерунда...

Перед столиком у самой витрины в желтой униформе с подносом – она...

В первый момент даже опешил. Смотрел на этот аквариум, который кому-то пришло в голову оборудовать тут, в промзоне, и не верил. А потом медленно, медленно его губы дернулись. Пока еще не в улыбке, нет.

Машинально отбился, разжав руку с телефоном, из которого неслись какие-то доводы и объяснения. Все разом отдалилось, отошло куда-то на задний план.

Нашел.

И тут же вылетело из головы все, что передумал за те три с половиной месяца, замесилось совершенно другим. Будто переключатель щелкнул, открывая новый отсчет. Теперь другая игра пойдет. По его правилам, в его пользу. Неосо-

знанно сжались кулаки, мужчина напрягся, ни дать ни взять, охотничий пес. Стойку сделал. Даже почему-то стало смешно.

Черт... В этот момент он вдруг чувствовал себя, как ребенок, которому только что подарили новенькую игрушку. Или как мужик, когда он в первый раз собирается сесть за руль дорожной шикарной тачки, которую хотел купить и купил.

Этот восторг обладания. Желание кружить вокруг своей игрушки, разглядывать со всех сторон, примериваться, тянуть удовольствие, испытывать его вечно...

– Останови, – негромко сказал он водителю. – Приехали.

Тот не совсем понял, потому что они и без того стояли в пробке, оглянулся на хозяина. Мережков глазами показал на обочину за перекрестком. А у самого, словно что-то большое разросло в груди. Вдохнул глубоко. Все. Нашел.

Теперь не спугнуть прежде времени, чтобы опять не ушла. Теперь уж наверняка.

Как только пробка сдвинулась с места, шофер припарковался на той стороне перекрестка, прямо под за знаком, запрещающим парковку. Да и х*** с ним. Эти вопросы уладить легко.

На улице темнело, а Мережков сидел в машине, глядя на большие, ярко освещенные стеклянные витрины кафе напротив, и ждал. Как хищник в засаде. Клёвое ощущение. Теперь-то он не торопился, теперь можно было сколько угодно ходить кругами и примериваться, откуда напасть. Теперь она

никуда не денется.

Троих людей своих послал, чтобы перекрыли все ходы-выходы. Еще двоих внутрь, закрыть кафе и занять столик. Смотрел, как зал постепенно освобождался, и созревал.

Наконец в кафе не осталось никого, кроме персонала, а на улице стемнело окончательно. Сейчас. Открыл дверь и вылез из машины. Не глядя ступил в грязноватую снежную кашу у края обочины.

Немного жижи затекло в обувь. Но в тот момент он этого не почувствовал. Пересек улицу, толкнул дверь кафе и вошел.

Лене эти двое, появившиеся в кафе, не понравились. Необычные посетители. Вели себя странно, вызывали тревогу. Еще более странным показалось, что они пожелали снять кафе на весь вечер. Мол, закрытое корпоративное мероприятие. Один переговорил с хозяйкой, сделал странный, но дорогой заказ и внес предоплату. Другой так и стоял у входа.

Странные типы. Взгляды холодные, острые.

Девчонки обрадовались, можно подзаработать. А ей беспокойно, беспокойно, но деньги нужны. Нужны, черт бы их побрал! Она и так какое-то время сидела без работы.

Забилась в комнатенку для официантов, устала на се-

бя в зеркало. Работать надо. Усилием воли подавила тревогу, заставила себя успокоиться.

– Лена, выйди в зал, там посетитель.

Голос хозяйки.

– Почему я?! – хотелось крикнуть. – Неужели других нет никого?

Отчего-то аж затряслось все внутри.

А почему не ты? Спросила мысль.

– Сейчас, – проговорила, поправила волосы и вышла.

За столиком в центре пустого зала сидел он. Мужчина... Мужчина, который ее изнасиловал.

Ей показалось, свет померк.

Когда переживаешь чужие эмоции вживую, как в реальном времени, они могут быть даже сильнее, чем собственные. У присутствовавших в зале суда всплеск по ощущениям был как столкновение волн ледяной воды и пламени.

По залу пошел ропот.

– Протестую! Это насилие над нами, прошу на сегодня прервать слушания! – раздался голос представителя коллегии прокуроров.

– Протест отклонен, – холодно проговорил секретарь. – Мы тут не кисейные барышни. Если будем прерываться

каждые пять минут, подсудимый не доживет до окончания слушаний.

– Тогда дайте хотя бы перерыв, – обратился к секретарю Сабчаковский.

– Объявляется короткий перерыв, – ровно, не повышая голоса, продолжил секретарь. – Из зала никто не выходит. По сигналу всем вернуться на места.

Секретарь остался надзирать за обстановкой, а остальные сразу рассредоточились и разбились на группки. Джейми так и продолжил стоять рядом с Маришей. Шлем он не снял, нельзя.

Молодой прокурор молчал, поводя шеей. Для него это тоже была первая детальная реконструкция и ощущения она вызывала двойственные. Он не изменил своего убеждения, просто смог яснее понять некоторые мотивы.

К ним с крайне недовольным видом приблизился Сабчаковский.

– Вы же понимаете, что происходит? – спросил у Джейми, игнорируя адвоката Климову.

– А что происходит, коллега? – спросил Игорь Наумович. Он появился, как всегда, незаметно.

– Неужели вы не видите, что эти эмоциональные всплески затрудняют восприятие? Размывают истинную картину? Идет подмена...

– Коллега, – спокойным тоном проговорила адвокат Климова. – Детальная реконструкция является официально

узаконенной процедурой.

Тот при слове «коллега» кисло скривился. А зря. Адвокат Климова посмотрела на него поверх больших черных очков и заботливо добавила:

– Я понимаю, возраст. Если процедура вызывает эмоциональные перегрузки, может, стоит взять паузу, отдохнуть?

– Вы... – задохнулся маститый прокурор. – Вы...!

– Дмитрий Дмитрич, позвольте вас на два слова, – как ни в чем не бывало вмешался Игорь Наумович Гершин и увел под ручку кипевшего возмущением Сабчаковского.

– Климова, ты страшный человек, – услышала она сдавленный голос Джейми, когда эти два монстра отошли достаточно далеко.

– А? – она обернулась, вся такая воздушная, в белых адвокатских одеждах, с беленькими крыльями.

– Я хотел сказать, что ты достойный противник, – выразил свою мысль ее оппонент, а потом добавил. – Пошли в круг, сейчас секретарь подаст сигнал.

– Откуда знаешь?

Он оглянулся:

– Думаю, тут все слышали ваш разговор с Сабчаковским и получили массу позитива. Теперь можно продолжать.

Джейми не ошибся, секретарь зорко наблюдал за обоими коллегиями. Как только господа судейские отвлеклись от темы слушаний и начали переглядываться, давась смешка-

ми, объявил, что перерыв окончен.

Представители коллегий заняли свои места.

И все вернулось в ту самую точку.

Мир схлопнулся. Сузился в одну точку. В какой-то тоннель.

А в конце этого тоннеля за столом сидел мужчина с нечитаемым выражением лица. Руки сложены на столе. Какой-то странный взгляд, в глазах будто тлеющие угольки.

– Лена, клиент VIP, в наши края такие не забредают, а ты опыт работы имеешь, выручай, – успела ей шепнуть хозяйка. – Обслужи столик. Он огромные бабки платит!

Холод стремительно заливал ее.

Господи, ну до чего же ситуация напоминала ей уже пройденное...

В первый момент хотелось развернуться и бежать. Быстро, без оглядки. А потом пришло понимание, что бегство все равно не спасет. Не спасет.

И оставался мизерный шанс, что он ее попросту не узнает.

Сейчас он больше походил на застывшее изваяние, почти как в тот раз, когда она его в первый раз увидела. Память кольнула, подбросив ей несколько картин, напомнивших, что его видимому спокойствию доверять нельзя. Одна-

ко все-таки оставался шанс.

Пока смотрела, осознавала, в голове со страшной скоростью пронесся целый рой мыслей.

Нельзя показывать страх, может, тогда он не обратит на нее внимания. В конце концов, кто она для него? Так, маленький эпизод, развлечение на природе. Их миры попросту не соприкасаются, разные вселенные, вот и все. С какой стати ему помнить ее? Мало ли кого он...

С трудом подавила дрожь.

А кафе закрыли – так ведь он VIP клиент, с простыми людьми рядом не может. И это хорошо, не надо ему, VIP клиенту, с простыми людьми рядом. Просто не подавать вида, что они знакомы, он ее и не вспомнит.

– Знакомы?! – взорвалось в голове.

То, что между ними было, не повод для знакомства.

И осознание этого каким-то образом придало силы. Лена взяла приготовленный поднос, бегло оглядев, что туда насобирали. Дорогой коньяк (не подозревала, что в их забегаловке такой водится, не иначе как хозяйка из личных запасников вытащила), оливки, несколько сортов сыра, нарезанный лимон, фрукты...

Глубоко вдохнула полной грудью и подошла к столику.

– Добрый вечер, – не поднимая глаз, стала расставлять блюда.

Просто удивительно, как все повторялось. Он опять сидел и ждал ее. И опять прошло всего несколько минут, а ему казалось – вечность.

Наконец она появилась.

Женщина, которую он как ненормальный разыскивал больше трех месяцев. Женщина, на которой закоротило его половой рефлекс.

Сейчас. Скоро. Можно не спешить. Не уйдет.

Мережков очень внимательно всматривался в ее лицо, пытаясь понять, какого она сбегала от него? Неужели думала, не найдет?

А в глазах женщины в первые секунды отразился ужас.

Бойтся его. Вот и правильно, пусть бойтся. Он весь нервами изошел, пока разыскивал, это ей так просто с рук не сойдет.

Но ему почему-то не хотелось, чтобы она его боялась. Хотел узнавания, отклика, отголоска того, пережитого. В конце концов! Им же было хорошо вместе! Хорошо, так что...

Он знал это. Она не могла не помнить, такое не забывается.

Опять это идиотское желание увидеть ее улыбку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.